

Антонина ГИЛЕВА

ОСКОЛКИ СТУДЕНОГО ЛЕТА

Киноповесть

Глава 1

2003 год, Магаданская область

В конце сентября золотая осень превращается в ржавую хмарь. Суровыми струями ледяного дождя она убивает последние воспоминания о теплом лете, обнажает шершавые лиственницы, заставляет их сбрасывать веселые оранжевые иголки. Трава, кусты, цветы — все жухнет и прибивается к земле перед долгой зимой. Что не заставит наклониться дождь — за ночь измочалят заморозки. Но если не идти, наклонив голову, видя только непролазную грязь под ногами и кочки, если забраться куда-нибудь повыше на перевал и открыть пошире глаза, то даже в это время можно задохнуться от восторга при взгляде на просторы северо-востока России.

Летом среди сопок с белыми от снега верхушками, широких голубых рек, полей с темно-розовым иван-чаем и рыжих лиственниц выделяется черным пепелищем старый горняцкий поселок Веселка. В нем нет высоких многоэтажек, ярких детских площадок, футбольных полей с искусственным зеленым газоном. Десяток двухэтажных домов с разбитыми окнами, частные заброшенные подворья с теплицами без стекол и развалившимися деревянными сараями. Всюду следы разрухи, двери выломаны или стоят нараспашку. Как будто хозяева уезжали в спешке, снаружи в грязи брошены старые книги, детские игрушки, ржавые велосипеды без колес...

По бывшей центральной улице по-гусарски — на высокой скорости, с включенными сиренами и мигалками — проносятся черный внедорожник и милицейский «уазик». Они мчат к единственному обитаемому дому на окраине Веселки, с целым, недавно окрашенным в жизнерадостный ярко-зеленый цвет забором.

Машины тормозят у ворот «фазенды». В начале девяностых по телевидению беспрестанно крутили latinoамериканские сериалы, и местные жители иронично окрестили свои усадьбы на бразильский манер. Только некому объяснить это непрошеным гостям: теперь

единственный житель Веселки — пенсионер Михалыч. А он не любитель разговоров.

Об этом думает глава района, тридцатипятилетний Иван Григорьевич Сеницын, злой как черт из-за того, что к этому упрямому не-переселенцу приходится ехать лично. Обращения в МВД не дают ничего: «письмо зарегистрировали, письмо передали исполнителям, ищем возможности, данные мероприятия не входят в круг наших полномочий».

Чиновник натурально психанул с утра, сам принес доблестным милиционерам очередную бумагу с просьбой о содействии и час сопровождал ее вместе с секретаршей по разным отделам. Пока не выскочил из своего кабинета толстомордый начальник районной милиции, тоже на взводе, и они не полаялись всласть о полномочиях органов местного самоуправления и перспективах финансирования милиции из районного бюджета в следующем году. А потом не пожаловались друг другу на дефицит кадров, нехватку времени и тупые инструкции «сверху». Вот только после этого Сеницыну выдали двоих участковых на служебной машине, которым велели ехать за главой и всячески содействовать.

Сеницын — высокий и внушительный, как гора, в лице ни одной мягкой черточки, будто оно из камня высечено, в итальянском костюме и черных лаковых туфлях, ни шапки, ни куртки, ни шарфа, ни зонта — плюх! — наступает прямо в лужу, по щиколотку, но даже скорости не сбавляет, идет что крейсер в море, как будто не в захолустье, а на прием к губернатору приехал.

С заднего пассажирского сиденья аккуратноенько высовывается, а потом вылезает его референт Ленечка — на десять лет младше и килограммов на тридцать легче шефа, высокий и долговязый, похожий на цаплю. Он осматривается, а потом прыжочками и шажочками перемещается вслед за шефом. Ленечка-то упакован: резиновые сапоги, длинный кожаный плащ, зонт-трость. В руках у него увесистая папка с бумагами, обычного формата А4.

Заспанный водитель средних лет остается за рулем, открывает окно и наблюдает, как из «уазика» высыпают стражи порядка. Участковые выглядят как отец с сыном — оба русые, сероглазые, носы картошкой, одному двадцать пять, второму сорок, у одного уже намечаются залысины, а второй бредет наголо под «крепкого орешка».

Во дворе беснуется собака — учуяла незваных гостей. Ее прерывистый лай перекрывается матом «делегации». Милиционеры понимают, к кому их привезли, и нецензурно выражают свои мысли по этому поводу.

— Предупреждать надо! — нервничает старший участковый.

— Тю, — тянет его младший товарищ и продолжает с приметным «хэканьем»: — Пенсионэра испухался? Ему по документам уже семисят четыре ходика.

— Вот-вот! Пора на покой. В дом престарелых. — Глава района пока не понимает, в чем дело, но на всякий случай пресекает лишние разговоры. — Ну, вперед!

Референт деликатно стучит в калитку возле ворот. В ней проделана широкая щель для почты.

— Александр Михайлович Воскресенский! — Ленечка откашливается. — Мы привезли постановление!

Синицын подходит к калитке и требовательно стучит по ней кулаком.

— Александр Михайлович! Поселок расселен! — Иван Григорьевич кричит. — И вам пора на выход с вещами!

В щели для писем появляется ствол винтовки.

Референт и чиновник, как зайцы, прыгают в разные стороны.

— Мне и тут хорошо, — из-за забора говорит Михалыч.

— Ну, знаете ли! Это нападение на представителей власти при исполнении! — обрадованно восклицает Иван Григорьевич и командует людям в форме: — Берите его!

Ствол поворачивается в сторону главы района. Чиновник в два прыжка оказывается за спиной у милиционеров. Те синхронно разворачиваются, обходят Синицына и идут к своей машине.

— Я в прошлом году его сейф проверял. Новый ствол взял, американский, — спокойно, как будто о погоде, говорит старший участковый.

— Незаконное хранение оружия! — визжит им вслед чиновник.

— И три сотни патронов перед сезоном было. Бумаги в порядке, — так же буднично дополняет старший.

— Это тот, хоторый кажную зиму по десять волчков сдает? — радостно уточняет младший милиционер.

Его коллега кивает. Они садятся в «уазик».

— Мы не нанимались за главу района вписываться. Пусть сам тут расхлебывает, — вполголоса говорит младший участковый напарнику. И уже громче — чиновнику: — Щасливо оставаться, Иван Хрихорьич!

— Нарушений закона не обнаружено. Всего доброго! — Старший захлопывает дверь и резко дает по газам.

Глава района с каменным лицом смотрит, как «уазик» уезжает.

Внезапно лай стихает. Синицын сглатывает слюну и поворачивается в сторону калитки.

Она открыта. В проеме с винчестером в руке стоит Александр Михайлович Воскресенский — косматый, седой, с усами и широкой бородой, в потертом камуфляже и кирзачах. Спина прямая, взгляд острый и ясный, любому молодому соколу на зависть.

Референт застыл перед Михалычем, на вытянутых руках держа перед собой распечатанные постановления о расселении, а сам при этом отвернулся и зажмурился.

— Вон отсюда, — тихо говорит пенсионер.

Ленечке повторять дважды не надо, он уже семенит к джипу.

— Давайте поговорим, — Иван Григорьевич смотрит на единственного жителя Веселки, который напрочь срывает программу расселения и консервации неперспективного поселка. Смотрит и звереет. — Ты ж тут сдохнешь зимой, бирюк! Ни отопления, ни врачей, ни магазинов...

— Предупредительного не будет. — Михалыч уже не наводит на гостя винтовку, но сомнений нет — сделает это быстрее любого ковбоя из вестернов.

Черный джип несется в обратном направлении, из Веселки к районному центру. Ленечка сжался на заднем сиденье, очень внимательно смотрит в окно и, кажется, даже не дышит. Водитель тоже, от греха подалее, лишний раз в сторону начальника не глядит.

— Он у меня запоет. Он у меня завоюет! — разоряется Иван Григорьевич. — Он у меня тут даже не от морозов — от тоски один загнетя!

В это же время Михалыч с винчестером за спиной заходит на старое заброшенное кладбище в километре от Веселки. С ним охотничья лайка — пес Белый.

Вокруг на облезлых памятниках и покосившихся крестах черно-белые фотографии или просто имена, отчества, фамилии. Даты смерти почти на всех — «лихие девяностые»: 1991, 1992, 1993, 1994, 1995...

Старик уверенно проходит по еле видной тропинке к двум могилам. Они в отличие от остальных ухожены — покрашена оградка, земля внутри нее засыпана крошкой белого мрамора. Скамейка и маленький столик явно сколочены недавно. Перед тем как сесть, Михалыч сбрасывает с них листву и хвою. На одном памятнике портрет пожилой женщины со старомодной, пышно взбитой прической и табличка: «Агриппина Львовна Воскресенская. 1937—1993». На втором как будто фото молодого Михалыча: и нос, и глаза, и скулы те же — и табличка: «Михаил Александрович Воскресенский, 1962—2003». Ни эпитафий, ни нежных слов, ни иных надписей. Старик до сих пор не знает, как сказать в нескольких строчках о любимых жене и сыне.

Лайка подбегает к пенсионеру, кладет голову ему на колени. Михалыч гладит собаку и тихонько напевает о том, что он едет, едет за туманом, за мечтами и за запахом тайги...

Глава 2

В районном центре — поселке Радужном — под признания советского барда о том, что он едет за туманом, за туманом и с собою ему не справиться никак, еле-еле открывает глаза двадцатилетняя Мария. Это худая, даже истощенная девушка с синяком под глазом и разбитыми костяшками пальцев на обеих руках. Она на четверть эвенка, и это угадывается по чуть раскосым темным глазам и монголоидному лицу. У нее черные с синеватым отливом жесткие волосы, небрежно обрезанные по подбородок. Видимо, сама ножницами обкорнала, когда надоело с длинными ходить. Растрепанная, голая, опухшая, помятая, Маша с закрытыми глазами поднимается на постели, хватая со стула мужскую рубашку и натягивает ее на себя.

В комнате грязь, беспорядок, следы попойки. Встав, Маша спросонья чуть не опрокидывает стоящую на полу полупустую бутылку с пивом, а потом едва не наступает в тарелку с остатками еды и окурками. Девушка трет виски и, пошатываясь, идет к двери. На секунду оборачивается — в постели спит какой-то толстый голый мужчина. Мария морщится и выходит в коридор.

Отсюда видно гостиную — комнату, скудно обставленную старой мебелью. В одном углу огромный японский телевизор. Цвета и громкость выкручены на максимум, на экране пляшут герои мультфильма. На диване лежит обрюзгший и небритый пятидесятилетний хозяин квартиры, русский. Он решает сканворд и курит. На полу батарея пустых бутылок из-под водки и пива, блюдце с семечками, всюду рассыпана шелуха. На подоконнике «проветриваются» мужская обувь и грязные носки.

Здесь же, в гостиной, сидят на горшках двухлетний мальчик и девочка года на полтора его старше. Они эвены. Из кухни вырывается с парой чашек чая и блюдцем печенья их мать Аня, Машина подруга. Она в шелковом халате и пушистых тапках с помпонами. Кивает Маше и спрашивает:

— Косой уже проснулся?

Маша не отвечает. Она не помнит прошлую ночь и даже не хочет вспоминать. Ей бы поесть и в душ.

— Косой, Косой! Вчера в три ночи приперся, ты уже никакая была. — Анька хитро подмигивает. — Он, конечно, старый, но заколачивает нормас. Ты смотри, с дальнобоями прикольно, они постоянно по рейсам.

Дети в гостиной начинают драться и орать. Маша морщится. Забирает у подруги одну кружку с чаем.

— Заткнитесь! — прикрикивает на малышей мужик с дивана.

Анька отдает Маше вторую кружку и блюдце с печеньем, идет к малышам.

— Сам заткнись, это не твои дети! — Она растаскивает сына и дочь. — Раскомандовался он тут...

Внезапно с треском открывается входная дверь. В жилище вваливаются трое: участковый, женщина-инспектор по делам несовершеннолетних и сотрудница опеки. Обеим женщинам уже давно за сорок, милиционер раза в два их младше, но не тушуетя, вызывает огонь на себя.

— Добрый денечек! — начинает он. — Жалоба от соседей поступила. Шумели ночью вчера, да?

— Дрались, говорят, даже. — Инспекторша проходит в гостиную.

Она нарочито игнорирует взрослых, присаживается возле детей и рассматривает их грязные и заплаканные мордашки. Сотрудница опеки присоединяется к ней, проверяет у малышей руки с грязными ногтями, копается в волосах, потом брезгливо двумя пальцами оттягивает и отпускает давно не стиранную футболку на мальчике. Кивает инспектору:

— Ненадлежащее исполнение родительских обязанностей. Оформляем.

Обе выпрямляются и смотрят на батарею пустых бутылок у дивана. Дети опять начинают плакать.

— Идите сюда, маленькие! — приторно сюсюкает инспектор и смотрит на Аню. — Мы вас к старшим братикам отвезем. Познакомитесь наконец-то.

Маша безразлично наблюдает, как ее подруга орет на служащих государственных органов. Как будто в замедленной съемке, Анька бросается на женщин, но их загораживает участковый. Маша все это время остается в коридоре — стоя пьет чай и грызет печенье. Хозяин квартиры тоже не вмешивается: лежит на диване, поднимает повыше газету со сканвордом и делает вид, что ничего не видит и не слышит.

Инспектор и сотрудница опеки уносят детей в подъезд. Участковый прикрывает их отступление, отмахивается от Аньки и тоже уходит. Реальность возвращается к обычной скорости.

— Да сделай что-нибудь! — кричит любовнику Аня.

— Это же не мои дети, — фыркает из-за газеты мужик.

Аня мечется между гостиной и коридором. Останавливается.

— Я в прокуратуру напишу. Заберу! — кипятится она. — Прямо завтра и заберу!

— Как тебя из детдома забрали. — Маша доедает печенье.

— И тебя. — Горе-мать смотрит на нее.

— Да где мой чай? — бурчит мужчина с дивана.

Анька идет в гостиную, вырывает у него из рук газету и хлещет его ею по лицу. Он почти не сопротивляется: знает, что сожительница проорется и успокоится.

Из спальни выглядывает полуголый Косой, толстый, с лицом алко-голика — глаз почти не видно под набрякшими веками, нос красный.

— Ты... это... как тебя? — Он чешет пузо и смотрит на Машу, пытаясь вспомнить ее имя. — Сгоняй за пивом, а?

Вскоре Маша бредет по поселку с пакетом, в нем звякают пивные бутылки. Девушке совершенно некуда идти, кроме временного пристанища у Аньки, но после визита государственных служащих эта квартира ей становится противна. Слишком много воспоминаний разбередила эта сцена. Например, как они с Анютой познакомились почти десять лет назад в казенном доме.

Все дети мечтали, что их усыновят иностранцы — те тогда толпами повалили за белокуроыми и голубоглазыми малышами. Огромным спросом пользовались младенцы и детишки до трех лет. Забирали всех: и хромых, и косых, и лежачих — с любыми диагнозами. Машка была абсолютно здорова, но по документам у нее были родители, да и не вписывалась она в идеальную модель усыновления из-за национальности и возраста. И сильно радовалась, что «мастью не вышла»: все ждала, что мама или папа появятся. Столько желающих прилетали черт знает откуда на край света, чтобы чужих сыновей и дочерей приглубить. Свои-то дети тем более ценны? Или нет? Она так и не разобралась с этим парадоксом...

Маша уже сделала пару кругов вокруг дома и нацеливается на третий, когда ее перехватывает почтальон.

— Воскресенская! — Грузная пятидесятилетняя женщина на ходу устало роется в сумке, ища что-то среди газет, писем и телеграмм.

Находит и отдает конверт. Мария Михайловна Воскресенская при ней достает официальный бланк и читает. Ничего не понимает и пытается вслушаться в то, что торопливо говорит почтальон:

— Я замучилась за тобой гоняться! Заказное, месяц уже лежит. В общаге тебя нет, у друзей нет... Еще немного — и обратно бы отправили. Распишись в получении.

Женщина уходит. Маша перечитывает и перечитывает послание, но видит лишь отдельные слова: «уведомление», «администрация», «наследство».

За несколько тысяч километров от нее, в клубе на окраине Новосибирска, тридцатичетырехлетний Валерий Михайлович Воскресенский, родной внук Михалыча из Веселки, сидит на барном стуле перед игровым автоматом. В одной руке стакан с виски, в другой — сигарета, к ремню пристегнут пейджер. Валерий не один — в зале много зомби-игроманов, которые приклеились к «одноруким бандитам» и, как загипнотизированные, скармливают им купюры. Громко играет музыка. Все пьют, все курят. Все смотрят только на экраны перед собой.

Валера ставит стакан на подставку и с азартом бьет по клавишам. Сумма на табло уменьшается — пять тысяч рублей, потом четыре с половиной тысячи, потом три с половиной. Воскресенский-младший злится и смотрит на экран, где должен, должен появиться выигрыш... Но там лишь два нуля, точка и еще пара нулей.

Крутятся слоты.

Писк. Это звук о новом сообщении на пейджере: «Где деньги? Верни долг. Кореш».

— Ну хоть бы один спросил, как у меня здоровье, покушал ли я, как спалось! — кривит губы Валера.

Наконец-то выпадает выигрыш. Одинаковые картинки на экране автомата перечеркивает красная линия. И еще раз, и еще. Уже в два раза больше, чем Валера скормил шайтан-машине. Он поглаживает клавиши на удачу и шепчет:

— Спасибо.

За спиной у Валеры возникает менеджер, не старше клиента. Вертлявый, чернявый, в спортивном костюме, с поясной сумкой для денег и связкой ключей от аппаратов.

— Поперло наконец! Может, снимем уже? — как будто мимоходом интересуется он. — Ты тут не только мне должен.

Валера отрицательно качает головой и продолжает жать на клавишу для ставок. Менеджер отходит, зло смотрит на должника. Тут каждый первый такой, он знает. Жаль, нельзя их оттаскивать от автоматов «на пике»! Не успокоятся ведь, пока все не просадят.

Валера резко мрачнеет. Он снова проигрывает, опять и опять, виртуальные красные линии не сходятся, изображения не выстраиваются ни в ровный ряд, ни в любую другую комбинацию, после которой появляется уведомление о прибавлении на счете. Надо было выбрать сегодня другой автомат, этот, наверно, кто-то уже «вычистил» в обед. Валера, как и все игроки, верит в удачу, а еще пытается вычислить идеальную стратегию добывания денег из воздуха. Если кто-то проигрался, автомат выдаст следующему игроку бонус... Если кто-то выиграл джек-пот, автомат будет обирать следующих желающих быстро обогатиться... Ни одна схема, правда, так и не сработала. Валера делает последнюю ставку — и уходит в ноль.

Он искоса смотрит на входную дверь. Возле нее дежурят вышибалы уголовной наружности, оба — «шкафы» два на два, сплошные мышцы. У одного переломан нос — боксер. У второго — уши: значит, борец. Про себя Валера их называет Бычара и Лосяра. А менеджера зовет Хорьком. Денег-то Хорек на прошлой неделе займа дал, но под такие проценты!

Валера залпом допивает виски. За выпивку он тоже до сих пор не расплатился, но официантка в баре не смотрит в его сторону, одной проблемой меньше. Он набирает побольше воздуха в грудь, встает и идет к двери, прихватив с собой стакан.

— Не так быстро! — Бычара преграждает выход.

— Да я за бабками смотаюсь, — улыбается Валера.

Но Лосяра уже стоит за спиной и кладет руку на плечо должника. Валера, не оборачиваясь, неожиданно бьет головой назад Лосяре в лицо, а вот от Бычары увернуться не успевает. Бычара бьет ему в глаз, Валера ухитряется разбить стакан о его голову, вырывается и, пригнувшись и стиснув зубы, рвет наружу.

На улице он бежит что есть сил, потом оглядывается, резко забирает вправо и падает на асфальт за чью-то машину. Спустя минуту мимо него проносятся вышибалы.

— Воскресенский! Мы все равно тебя найдем! Никуда не денешься! — разоряется вдалеке менеджер.

Валера поднимается и мчится дальше, все больше удаляясь от клуба.

Писк. Писк. Писк. Пейджер разрывается от сообщений. Валера снимает его с ремня и бросает на тротуар.

На следующий день он сидит в зале ожидания в аэропорту Толмачево и старается не задремать. То и дело вскидывается, проверяет документы. Вещей у него с собой, можно сказать, и нет. Домой, к тетке, не возвращался, заскочил на ночь к бывшей любовнице. Года полтора назад он провел у нее почти месяц и шмотки потом не забирал. Как знал, что пригодятся. Почему она их не выкинула, так и не понял. Ну, он в женщинах не разбирается и чужие мысли читать не берется — тогда ему своих не приписывают. Самое главное — паспорт, посадочный талон и конверт с извещением. Точь-в-точь такой же, какой прислали Маше.

— Начинается посадка на рейс Новосибирск — Магадан. Внимание, начинается посадка... — долдонит механическим голосом дежурный.

Валера встает и, сам того не замечая, мурлычет под нос, казалось бы, давно забытую старую песню про горы, солнце, пихты и дожди. Все эти «туманы и запахи тайги» он ненавидит с тех пор, как десять лет назад матушка резво собрала вещи и увезла его с Севера в Сибирь.

Глава 3

По дороге на Веселку ездят редко, грунтовка уже наполовину заросла травой. Водитель-бомбила уже не рад, что согласился на поездку, смотрит в оба, чтобы не угодить в яму. Застрянешь тут — обратно можно пешком возвращаться. Поглядывает на своих странных пассажиров. Парень русский, девка из коренных. У обоих на лицах по фингалу, багажа с собой почти нет.

— Да вы просто сладкая парочка «Твикс»! — Бомбила ухмыляется и подмигивает молодым людям.

Маша сидит сразу за ним, так что шофер не в курсе, что на пальцах левой ладони она качает складной нож. А вот Валера это видит и закатывает глаза. Нашла, коза, кого бояться! Он с малолеткой по доброй воле в одной комнате не останется.

— Это не то, что вы подумали, — кривит губы Валера.

— Я его первый раз на вокзале увидела, — фыркает Маша.

— Значит, судьба. — Водителю жутко любопытно, что эти двое забыли в такой глуши.

Парень точно не из Магадана, явно с материка прилетел в легкой кожаной куртке. А девушка одета как-то несуразно — так вообще сейчас молодежь наряжается: как модники в семидесятые, только трусы за километр видны. Но она-то местная, пуховик у нее зимний. И шапка с собой, и шарф, и перчатки. Правда, все разномастное, как будто у разных людей собирали, и заношенное, в пятнах, в дырках. Неаккуратная нынче молодежь. Не знает, что такое дефицит и как их родители за итальянские сапоги по две зарплаты спекулянтам отдавали.

— Удивительное дело. Все оттуда — вы туда! — продолжает бомбила. — Это хорошо, что вас двое. Одного я бы не повез. Да и так порожняком обратно неохота... А вы сразу назад? Я бы подождал. Скидос сделаю. Отвечает только Маша.

— Я сама уеду.

— На чем? На северных оленях? Ты подумай хорошенько. Тут пешком часов шесть до райцентра шкандыбать, — напоминает водитель.

«Жигули» въезжают на сопку. Внизу километрах в пяти — разоренная Веселка. Но издали масштабов разрушения не видно. Машина останавливается.

— Все, молодежь. Дальше сами, — командует бомбила. — Я тут в горку потом не поднимусь.

— Обещали же до поселка! — Маше не хочется выходить из машины.

— Вон он, рукой подать. Давайте-давайте! — Бомбила торопит клиентов, ему не хочется ехать назад по темноте.

— Сервис на грани фантастики, — выдыхает Валера.

Синхронно прячут в карманы Валера — карты, Маша — нож. Выходят из машины. Вслед за ними вылезает и бомбила — открыть багажник. Выгружает две спортивные сумки, отдает хозяевам. С серьезным лицом советует:

— В тайгу не сворачивайте. Если заблудитесь — орите громче.

— Спасут? — Валера чувствует какой-то подвох.

— Не дашь умереть с голоду медведю из Красной книги. — Бомбила хитро улыбается.

Маша смеется, берет сумку и отправляется вниз по дороге.

— Шучу. Медведей тут как грязи. Нет их в Красной книге, — гогочет бомбила и возвращается в машину.

Валера криво улыбается и спешит вслед за попутчицей.

В поселке Маша видит разбитые окна, мусор и замедляет шаг. Валера наконец догоняет ее и тоже открывает рот от удивления.

— Здравствуй, родина моя! — Он осматривается и присвистывает.

Маша непонимающе трясет головой, отходит в сторону, лезет в карман, достает измятый конверт, смотрит адрес, разглядывает дома.

Валера опять ее нагоняет и затевает светскую беседу:

— А что тебя никто не встречает?

— Я тут первый раз. А где Брусничная, знаешь? — Маша решает не грубить, она не понимает, куда дальше идти.

— Да тут всего три улицы. И все — центральные.

Валера на пятке поворачивается вокруг себя. Цыкает. Осматривается. Рукой показывает направление. Теперь он идет впереди, а Маша — за ним.

Из-за угла дома на них с рычанием выскакивает лайка. Валера замирает, а Маша становится на одно колено и протягивает собаке руку. Хвостатый агрессор тут же затихает и начинает прыгать вокруг девушки.

— Да я думал — волк. Сейчас бы палку... — оправдывается Валера за свое малодушие.

— ...и по башке бы себе дал! — завершает фразу появившийся незаметно для ребят Михалыч.

Маша и Валера смотрят на хозяина лайки, в камуфляже и с винчестером в руке.

— Здравствуйте! А я ищу Александра Михайловича Воскресенского. Вы не подскажете?.. — Валера вдруг замолкает.

Маша замирает. Поднимается с колен. Смотрит на Валеру.

— Не было печали, черти накачали. — Михалыч смотрит на Машу.

— Дед? Привет! Сколько лет, сколько зим! — Валера по привычке начинает балагурить.

Михалыч подходит к внуку, пристально вглядывается в его лицо. Разочарованно тянет:

— Весь невестушкин! В Людку вырос. А эту потаскушку ты где подобрал?

— Козел старый! — Маша понимает, и кто перед ней, и с кем она два часа ехала в машине на одном сиденье.

— Вся в мать... Как ее там — Светка? Нашел же сынок полубовни-цу-хабалку. — Михалыч говорит тихо, но четко. — Хороши оба!

Валера и Маша синхронно поднимают руки, инстинктивно пряча синяки под глазами.

— Что, за добром Мишкиным приехали? Берите, не надорвитесь!

Старик отворачивается и уходит. Маша и Валера смотрят ему вслед и... идут за ним.

— У тебя должно быть родимое пятно. — Валера с улыбкой разглядывает Машу. — Как у меня. Мы покажем друг другу эти отметины и будем обниматься и танцевать!

Маша набирает побольше воздуха и старается дышать ровно. Вопли этого клоуна, своего родного брата по отцу, она старательно игнорирует.

А чего ты ждала, думает она про себя. Что дед кинется перед тобой на колени или обниматься полезет? Если уж родной отец за двадцать лет ни строчки не написал и не появился, то от деда каких-то теплых слов ждать глупо. Маше до одури хочется развернуться в обратном направлении и пешком уйти в райцентр. Но сейчас она не может себе такого позволить.

— Да подожди! Сестра! Ты что, индийских фильмов не видела? — не унимается Валера.

Странная троица доходит до дома Михалыча. Старик притормаживает у калитки и резко поворачивается к внукам. Он про себя надеется, что эта встреча ему привиделась, — но нет. Стоят. Нарисовались, фиг сотрешь.

— Вы что тут удумали? — Пенсионер начинает понимать, что так просто от них не отделаться.

— Мне тут местная администрация извещение прислала. Показать? — Валера улыбается, у него и в мыслях нет, что дед не пустит его в дом.

— И мне! — А вот Маша отвечает воинственно.

— И что теперь? — прищуривается Михалыч. — Пилить будем али рубить дом на три части?

— Не пустишь нас, с милицией новоселье справим. — Валера отбредивается на автомате, но чувствует, как его начинает мутить от такой неприветливой встречи.

— Дал же бог внуков! — сплевывает Михалыч. — Ну заходите. Поговорим.

В доме уютно и опрятно. Маша и Валера сталкиваются возле двери, Валера пропускает сестру вперед. Войдя за ней, осматривается. Все осталось почти так, как было десять лет назад. Домишко маленький, всего три комнаты. Столовая, она же кухня с большой кирпичной печью. Нет ни грязной посуды на столе, ни беспорядка на полках. На подоконнике аккуратно сложены коробки с патронами, порох в жестянке, советские справочники по оружию. На стене, креслах, на полу — шкуры волков

и медведей. Валера мысленно присвистывает: трофеев стало намного больше — видать, дед серьезно увлекся охотой.

В старом серванте за стеклом пыльный хрусталь и черно-белые фотографии молодого Михалыча и его жены. Маша подходит поближе и разглядывает снимки из геологических экспедиций: ее дед с коллегами запечатлены с тачками, кирками и большими камнями. Полкой ниже — маленькая выставка разноцветных минералов: агаты с кварцем, отполированная яшма, кристаллы аметиста и кальцита.

В центре Маша замечает явно новый снимок Михалыча с собакой и рядом — крупное фото собаки. Одичал тут старик.

Ей очень хочется спросить, где можно положить вещи, но она присаживается на краешек трехногого табурета и выжидательно смотрит на Валеру. Должен же быть от этого клоуна хоть какой-то прок.

Ее брат в курсе, что из кухни две двери ведут в еще две комнаты. Одна принадлежит Михалычу, во второй после развода жил Валерин отец.

— Сегодня ночуйте, а завтра езжайте, откуда приехали. — Михалыч на внуков не смотрит.

— Столько лет не виделись... — Валера уже не притворяется, он действительно расстроен.

— Вот именно! Руки отсохли открытку деду прислать? — закипает Михалыч. — Нарисовался он, как только, так сразу — наследство делить.

— Да кому нужна эта хибара! — подает голос Маша. — Нам сертификаты полагаются на переселение на материк. В поселке больше никого не осталось.

Девушка роется в сумке, достает документы, но, когда поднимает голову, видит, что дед ушел в свою комнату.

— Сестрица. Сестренка. Систер. Как тебе больше нравится? — Валера опять корчит из себя дурачка.

— Отвали, — огрызается Маша.

— Как скажешь, родная, — цедит сквозь зубы Валера. — Так вот, дорогая Отвали, я, пожалуй, займу комнату покойного батюшки. Других тут нет. В сенках я бы спать не советовал.

Он уходит в комнату отца. Маша вздыхает, берет свою сумку и плетется за ним.

По сравнению с кухней тут темно, пыльно и почти нечем дышать. Воздух спертый. Маша пытается открыть окно, под ее напором старая разохшаяся створка наконец поддается, скрипит и отходит от рамы.

Валера лежит на кровати и наблюдает за Машей. Та рассматривает комнату. Старая, еще советских времен, «горка», везде разбросаны одежда и инструменты. Шкаф, кровать, диван, пара стульев. Аскетично. И похоже, после смерти хозяина тут ничего не трогали.

— Извини, шкаф я уже занял, — лениво сообщает Валера.

— Я тут ненадолго. — Маша думает, что она бы и сама устроилась на кровати, но, видимо, придется спать на продавленном диване.

— Так как тебя зовут? — Брат наконец-то говорит серьезным тоном.

— Мария.

— Я про тебя пару раз от матери слышал, но не думал, что когда-нибудь увидимся. — Валера трет виски.

— И я не думала. — Его новоявленная сестра ложится на диван и пялится в потолок.

— Чай будешь? — Не ожидая ответа, он встает и возвращается на кухню.

В комнате Михалыча идеальный порядок. На окнах занавески, горшки с геранью. Мебель почти такая же, как и у сына, но есть еще письменный стол с книгами, блокнотами и исписанными тетрадями. Книги — издания по геологии, геологической разведке, химии в промышленности, сочинения Олега Куваева, Антонины Кымытваль, Юрия Рытхэу, Джека Лондона.

Но сейчас Воскресенский-старший не листает любимые сборники стихов и прозы, а затаился у двери и подслушивает, что происходит в доме.

Глава 4

Маша сидит за столом на кухне. Наклоняется, гладит лайку, которая улеглась у ее ног. Пес по кличке Белый явно к ней расположен, переворачивается на спину и подставляет брюхо. Маша смеется и вовсе чешет ему пузо.

Валера ставит чайник на печку, проверяет кухонные шкафчики — ищет кружки.

— Ничего, дед отойдет. Он мужик крепкий, и не такое видел. Подумаешь, незаконнорожденная внучка! Дело житейское. — Он пожимает плечами.

— «Санта-Барбара», — усмехается Маша.

Собака ложится у порога и закрывает глаза. Валера находит чашки, чай, ставит на стол.

— Я с ним поговорю, я его любимый внук, — заговорщицки шепчет он и кивает на сервант. — Там раньше целая полка с моими фотографиями была.

Маша смотрит на полки и улыбается. Теперь и Валера видит портрет лайки и ее совместное фото с дедом. Хмыкает.

— Закусился он из-за открыток, конечно. — Он поворачивается спиной к серванту. — А ты ничего такая, борзая. Приперлась без приглашения, права качаешь...

— Прав у меня не меньше, чем у тебя. Мамка в суд на него подала, на признание отцовства. Он в моем свидетельстве о рождении вписан. — Девушка даже не пытается произнести слово «отец».

Закипает чайник. Валера наливает кипяток в заварник. Ищет сахар, слушает Машу. Он всю эту историю знает совсем чуть-чуть. Пару раз подслушал, как мать на бату орала после рождения этой девчонки и после суда. При сыне родители эту тему не обсуждали: «Не твоего ума

дело, Валерка, займись своими делами. Это тебя не касается, сынок». Угу, как бы не так! Матушка сначала в поселок, в рабочую общагу, его забрала, а как рудник закрыли — и вовсе: контейнер, самолет, Новосибирск. Валера уже был взрослый, но матери не перечил. Дед после закрытия рудника стал совсем дурной, отец в тайге пропал и ничего не рассказывал. Казалось, что в Новосибирске все будет по-другому, что там жизнь ярче. Ага, так ослепила, что в Сибирь ему теперь лучше не соваться...

— И тут она меня тоже зарегистрировала. Мне поэтому после интерната квартиру и не дали. Типа, родачки живы, к ним и вали-гуляй. — Девушка снова гладит собаку.

— И где ты обитаешь? — Валера рассматривает сестру. Маша пожимает плечами.

— Чем занимаешься? — Он приподнимает брови.

Маша опять дергает плечами и молчит. Она совсем не хочет рассказывать о себе и пытается перевести разговор:

— А ты?

— А я — пират. То тут, то там. Жизнь такая штука интересная, никогда не знаешь, где грузовик с печенюшками перевернется. Так что кочую и держу нос по ветру, — подмигивает Маше Валера.

— Безработный. — Его сестра оказывается не по годам прозорливой.

— Муж есть? — Он перехватывает инициативу.

Маша качает головой.

— Я вот тоже все ищу свою принцессу. Пока одни лягушки рогатые попадают, — вздыхает Валера.

Маша не выдерживает и смеется.

— Я тебе серьезно говорю! Так посмотришь — ну королева, Клаудия Шиффер! А поближе подойдешь — ква-ква, лопочет что-то, не разберешь. То бодается, то ругается. Вот и мучаюсь холостой.

Маша смотрит в сторону и закусывает губу.

— Не, я не как наш покойный батюшка. — Валера неожиданно становится серьезен. — Детей точно на стороне не нажил. Я сам отца десять лет не видел, мать же со мной в Новосиб рванула вскоре после развода.

После слов Валеры «не как наш покойный батюшка» Михалыч в своей комнате морщится, как будто его ударили. Он тихо идет к кровати, ложится на нее и поворачивается лицом к стене. Сверху на голову кладет подушку, чтобы не слышать разговора внуков. Их голоса сливаются для него в ровный гул.

Маша медленно пьет чай — уже вторую кружку — и мысленно репетирует, как она попросит Валеру приготовить ужин. Или просто спросит, чего бы съесть. Утром в квартире Аниного любовника она успела только надкусить один чебурек и убежала на автовокзал. Потом четыре часа ждала, пока появится автобус из Магадана: вдруг приедет попутчик до Веселки. Потом они вместе с Валерой — тогда на радостях Маша даже не спросила, как его зовут, — уговаривали местного таксиста отвезти их в заброшенный поселок. Два часа тряслись в машине. Ох

и жутко ей было с двумя посторонними мужиками! Про еду и не вспоминала. А теперь у нее сводит живот от голода, но до одури страшно встать и заглянуть в какой-нибудь кухонный шкафчик. Она боится, что *этот* (так она зовет деда) выскочит из своей комнаты и погонит ее из дома — заявила тут воровка.

Она мысленно напоминает себе, что треть этой избушки теперь ее, по праву наследования. На фиг она ей не нужна, за эту кучу бревен у черта на куличках и ста баксов не дадут. Да и землю — она узнавала — никто в собственность так и не оформил. Дом прописан в документах еще с восьмидесятых годов, но на чьем участке стоит — непонятно.

Холодильника в доме не видно. Да и электричества нет. Наверно, старый хрыч, прячет все запасы в подполе. Маша смотрит наверх, на пыльную люстру. Когда-то свет здесь был, но после расселения Веселки все электролинии отключили и разобрали. На столе в металлических чашках воткнуты три толстые свечи — вот и все освещение.

Из комнаты *этого* выходит Валера с фотоальбомом в руках. В отличие от Маши он явно доволен жизнью.

— Гляди, что нашел! С собой заберу. Тут и отец, и мать... тут я маленький, смотри! И даже мой дневник школьный есть! — Валера сует находку прямо под нос Маше.

Она отодвигается, но брат как будто не замечает.

— Листы из дневника, я его от матери спрятать не успел. Одни колы и замечания! И какие, слушай: «Ваш сын пел на уроке». На уроке математики! — Валера бережно перелистывает страницы.

— Подожди, сейчас свой найду. У меня тоже с виньеточками. — Маша кривится и внезапно говорит то, что не собиралась: — Там вся семья в сборе — сто двадцать малолетних придурков в одежде с чужого плеча.

— Зато не скучно было, столько друзей... — Валера откладывает фотоальбом и внимательно смотрит на сестру.

— Ага, не соскучишься. Каждую ночь то кого-то бьют, то еще что... Мы с вечера в комнате у старшей воспиталки прятались и двери запирали! — зло выпаливает Мария.

— Ого. — К такому потоку откровенности Валера не готов.

Он наливает себе чаю. Хочет сесть, но оборачивается, роется в кухонных ящиках, находит печенье, кладет на блюдце и ставит перед Машей.

— А у тебя что — кино и мороженое по воскресеньям с папой и мамой? — Сестра быстро хватает угощение, но давится печеньем и начинает кашлять.

— Типа того. — Валера собирается постучать ей по спине, чтобы откашлялась, но Маша молниеносно оказывается в метре от него. Юркнула в сторону, что тот заяц.

— Ну и отвали со своим счастливым детством! Рада за тебя. — Маша перестает кашлять и снова берет печенье.

Валера садится за стол — максимально далеко от девушки. Он наконец замечает, что в ее взгляде нет даже любопытства. Одна сплошная

неприязнь и злость. Брат пытается увидеть себя ее глазами. Дорогой и качественный прикид, пусть и прошлогоднего сезона, кожаные туфли с острыми носами. Тяга к щегольству у него от бати и деда. Те, пока рудником рулили, еще в советские времена, одевались чисто в фарцу, и плевать, что практически в лесу жили. Все импортное, новое, матери и бабке штопать одежду запрещали, сразу выкидывали.

Тут и нерпе тупой понятно, что они с Машей разного полета. Валера пытается незаметно оценить стоимость ее одежды: все с китайского рынка, дешевая синтетика, кое-где уже просвечивает, на локтях и коленях пузыри. Но сестре, видимо, наплевать. Странно, молодая совсем девчонка. Он вспоминает своих любовниц — все в мини-юбках, джинсах клеш, обтягивающих топах, так что и живот виден, и грудь еле прикрыта. А эта, видимо, даже не красится. Да и волосы как попало подстрижены, торчат в разные стороны, будто топором рубили.

— Национальные традиции? — аккуратно спрашивает он.

— Национальный трындец. Сохранение, мать его, обычаев коренных малочисленных народов Крайнего Севера. Это еще с советских времен пошло: взрослые — в тундру тусить, а дети пусть в интернате побудут. Лучше бы сразу всех в город вывезли! — Маша говорит и жует одновременно.

— Хотели как лучше, наверно...

Маша успела съесть все, и Валера снова встает поискать чего-нибудь к чаю.

— А получилось как всегда! Никто из тех интернатовских ни оленей не пасет, ни рыбу руками не ловит. Ну, кто-то — да, но их по пальцам пересчитать. Они далеко — в тундре. А я вообще... и не русская, и не эвенка. И ваши на меня смотрят как на пустое место, и мои — как на чужую.

Девушка прикусывает язык и пытается понять, зачем она этому клоуну столько про себя рассказывает.

— Говори всем, что ты японка. Щас мода на все восточное — аниме, суши... — Валера снова в своем репертуаре.

— Офигел? — Сестра кидает в него ложкой. — Это шуточки для тебя, что ли?!

— Ну а что? Тебе пойдет красное с золотом. Мне вот идет. Это у нас семейное! — Валера разводит руками.

Маша уходит из кухни.

— И тебе спокойной ночи, сестра! — кричит ей вслед Валера.

Он смотрит на комнату деда и думает, слышал ли тот хоть что-то из этого разговора.

Глава 5

Сонный Михалыч утром выходит на кухню, идет к умывальнику. Маша уже за столом пьет чай.

— Доброе утро, любимый дедушка! Я вот уже с харчами подсутился. — Валера жарит огромную яичницу.

Михалыч сначала плещет в лицо водой, а потом бурчит:

— И тебе не хворать. Яйца-то зачем все бухнул? Тут на неделю запас был. Мне теперь за ними снова в райцентр ехать надо...

— На чем катаешься? «Нива»? Красная. Или оранжевая была? — пытается вспомнить ввук.

— Сгнили все те «нивы», и запчастей не найдешь. Трактор еще на ходу. И джип японский мы с твоим папашей купили лет пять назад. Подвеска только полетела, надо на ТО отогнать. Могу отвезти вас после завтрака. Я на тракторе джип потащу, вы — в салоне. — Михалыч не глядя хватает полотенце и вытирает лицо.

Маша уже положила на стол бумаги. Михалыч лишь раз смотрит на них издалека — ему тоже такие привозили.

— Глава района подсуетился? Была тут делегация неделю назад.

Старик садится за стол и отодвигает Машины документы в сторону.

— Нормальная тема. Тебя же никто переезжать не заставляет. Подмахни, да Машка обратно поедет. Я еще тут погощу, наверно. Ягоды, грибы пособираю. Соскучился! — Валера все это говорит бодро и весело, как будто не замечая угрюмых лиц сестры и деда.

— Вы валите, куда хотите. Я ничего подписывать не буду. — Михалыч старается не повышать голос.

Валера раскладывает яичницу по тарелкам и ставит на стол.

— В администрации сказали, или все трое, или — никто. Ладно. — Маша тянется за ложкой. — Как хотите. Кухню, наверно, побелю. Серая уже вся. Давно ремонт был?

— А я вместо огорода на заднем дворе футбольное поле сделаю. Я эти грядки заасфальтировать всегда хотел, честно. — Валера подмигивает сестре.

Михалыч бросает ложку на стол, резко встает и уходит на улицу. Маша и Валера продолжают спокойно есть, даже не шелохнулись.

— Достала меня в детстве эта картошка! Пацаны все мяч гоняют, а я как папа Карло — то с мотыгой, то с тяпкой. Счастливое детство, называется, — доверительно рассказывает брат сестре.

Но она молча смотрит в тарелку, быстро подчищает ее и уходит в комнату отца. Валера заканчивает завтрак в одиночестве, иногда взглядывая на фото собаки в серванте.

В комнате Маша недолго прислушивается к тому, что происходит на кухне, потом быстро прыгает в сторону шкафа. Она тихо-тихо открывает дверцы и роется в вещах брата. Проверяет сумку — в ней одежда, игральные карты, карта района... Странная какая-то, с треугольниками и кругляшками, она таких и не видела.

Маша поднимает Валерину сумку, видит мешок, открывает его. В нем промывочный лоток и химикаты. В углу под мешком — металлоискатель. Это-то уже она знает, был у нее любовник, старатель из артели. Хороший мужик, не бил и не обижал, жаль, что ментам попался с «рыжиком» в прошлом году. Маша слышит скрип половиц, возвращает все на место и идет к дивану.

Открывается дверь, заходит Валера. Смотрит на шкаф.

— Систер, помоешь посуду? Я и воду уже подогрел. Сначала чай попьем... Но можешь и сейчас, — предлагает он Маше.

Девушка кивает и уходит на кухню.

Теперь уже Валера идет к шкафу. Открывает. Смотрит на свои вещи, потом на дверь. Достает промывочный лоток, подходит к окну и разглядывает что-то на свету. Лезет в лоток пальцами, извлекает маленькую, на пару граммов, крупинку золота.

Валера аккуратно берет со стола бумагу, заворачивает крупинку и возвращает лоток в шкаф, а трофеей перекладывает к себе в сумку.

Михалыч долго на улице не стоял. Отдышался и вернулся. Теперь сидит за столом и ест остывшую яичницу. Маша быстро перемывает грязную посуду в умывальнике.

— Тебе лет-то сколько уже? — Дед разглядывает нежданную внучку.

— Двадцать, — быстро отвечает девушка.

— На кого учишься? — Михалычу действительно интересно.

— Ни на кого. Я еще не решила.

Маша ставит посуду обратно в шкафчики и садится за стол. Она смотрит на дверь в комнату, решает сама налить себе чаю. Внутренне она готова к окрику: «Нельзя, не трожь!» Но Михалыч молчит и даже не смотрит в ее сторону. Девушка обхватывает кружку двумя руками и снова садится за стол.

— До пенсии думать будешь? — Дед назойлив. — Батя твой в твоём возрасте на третьем курсе учился. А в двадцать пять уже был главным инженером на Веселкинском руднике.

— А мама — там же техничкой. Я в курсе. — Маша старается не огрызаться: бумаги на переселение до сих пор на углу стола.

— Полы мыла. Что он в ней углядел, до сих пор понять не могу. — Михалыч стучит ложкой по тарелке.

— Любовь, — криво ухмыляется Маша.

— Позорище на весь поселок. Все соседи сплетничали, когда повестка в суд пришла. — Дед злится.

— А чем он потом занимался, после того как рудник закрыли? — Маша решает, что тоже имеет право задавать вопросы.

— Как все — чем придется. — Дед уходит от прямого ответа. — Народ в основном сразу на материк драпанул. Квартиры побросал, добро нажитое. Все закрыли, даже ларек. Хлеба не купить...

— Я слышала, что он вроде артель какую-то организовал. — Маша смотрит прямо в глаза деду.

— Слушай больше бабок на базаре! Золотодобыча разрешена теперь только для юридических лиц, — отрывисто говорит дед. — «Физикам»¹ больше, чем за наркоту, дают. А «хищники»² долго не живут. Или бандосы за дозу запрягать начинают, или свои же в лесах оставят. Дурное это дело.

¹ Физическим лицам.

² Те, кто добывает золото незаконно, без лицензии, и чьи действия подпадают под статью о хищениях.

— Зато прибыльное, говорят. — Маша гнет свою линию.

— Охота, рыбалка... — Старик в целом-то и не врет. — На распадке вечно с удочкой шарился. Белого возьмет с собой да и пойдет на целый день. Вечером притащит пять форелей, смех один.

— Ну не на это же вы жили? — Внучка прищуривается.

— Ты бы хоть спросила, где могила! Или от чего помер во цвете лет. Инфаркт его схватил. Вечером сел с бутылочкой — и не встал уже. Я утром его нашел. Вот на этом самом месте, где ты сидишь, — кивает Михалыч.

Девушка давится чаем.

— Жил бы с семьей, был бы жив еще. Супружница быстро и к врачу бы отправила, и бутылку бы отобрала, — вздыхает дед.

— Да кто же ему мешал-то с нами жить! — Маша срывается на фальцет.

— А я не про вас, — говорит, как отрезает, Михалыч.

— Это его удочки в сенках? — Внучка встает.

Она одевается, обувается и выходит наружу, хлопнув дверью.

Ее собеседник смотрит на то место, где она сидела, и тяжело вздыхает:

— Эх, Мишка, сынок...

Через час дед с ружьем и рюкзаком за спиной и длинной жердиной в руках идет по берегу ручья. Он рассматривает кусты и заросли вдали от берега. Двигается к ним, держа перед собой жердь, раздвигает ею траву, отодвигает стланик.

Клац! Огромный ржавый капкан почти перекусывает палку.

Михалыч довольно цокает. Снимает ружье и рюкзак. Достает пластиковую бутылку с машинным маслом, растворитель и чистую тряпку. Он чистит капкан, смазывает его маслом, открывает и осторожно возвращает на прежнее место. Срывает рядом траву, закидывает ею острые зубья. Сутки-двое — и запах масла выветрится. А там, глядишь, зазевается какая-нибудь куропатка или заяц.

Михалыч убирает бутылки с маслом и растворителем в рюкзак, туда же кидает испачканные тряпки. Он возвращается к ручью, моет руки, споласкивает лицо. Смотрит вправо — на влажной почве огромные следы медведя. Отпечатки в три раза больше человеческой ладони. Свежие: контуры четкие. Михалыч берет ружье в руки, рюкзак на спину и уходит, постоянно озираясь.

В паре километров от ручья по лесу с удочкой идет Маша. Возле нее крутится лайка.

— Белый, выведи меня к воде, — просит девушка собаку.

Она злится на себя, что заблудилась в трех соснах. Наверное, лайка отведет ее к усадьбе, если сказать «домой». Но с пустыми руками возвращаться неохота. Можно рыбу половить. Можно посмотреть тайники на берегу. Если *этот* действительно был «хищником», то какой-нибудь схрон недалеко от воды точно оборудовал. Дома намытое хранить — только ментов радовать. Она погружается

в свои мысли о возможном богатстве и не замечает, как в полусотне метров от нее появляется Михалыч. Он-то замечает Машу и прячется за деревьями.

— Белый! Вот предатель... — Дед смотрит на собаку.

А псу особенности человеческих отношений неинтересны, он всем своим рад: пахнет-то от них одинаково, сразу понятно — одна стая. Белый радостно гавкает, заметив хозяина. Теперь Михалыча видит и Маша.

— Ты бы на этой стороне сопки не шарилась. Медведи с распадка забредают, — говорит дед.

— Подавятся, — пожимает плечами Маша.

— Светка такая же языкатая была. А она-то что за чужим добром не приехала? — интересуется Михалыч.

— Была, да сплыла, — Маша не хочет рассказывать о матери, сама о ней мало знает.

— Нового дурачка нашла? — криво усмехается дед.

Маша останавливается, разворачивается к нему.

Вокруг них бегают собаки. Насколько пес жизнерадостен, настолько мрачно выглядят девушка и старик.

— Я вот все смотрю на это несметное богатство и думаю: чего бы мне отсюда увезти? Видаков контейнер? Или джип ржавый из сарая у дома угнать? — Маша наконец-то орет, как хотела с самого начала приезда. — Или, подожди, папуля алименты в баксах собирал и хранил в коробках — спецом для меня, да? Добра-то тут видимо-невидимо!

— Вот-вот, алименты! — Михалыч тоже заводится. — На них твоя матушка и позарилась, в чужую семью полезла! Как услышала, что Мишка — главный инженер на руднике, так проходу ему и не давала. Сама-то — поломойка-оборванка!

— Кто там еще кому прохода не давал! Отвали. Воспитал сына уродом — так помалкивай! — Про себя девушка иногда костерит мать почему зря, но чужим никогда и слова дурного не дает о ней сказать.

— Ты на Мишку не гони... — начинает дед.

— У нормальных людей дети под боком растут, а не на подоконнике в интернате. «Где ж там папочка, когда мой папочка приедет?» Я ему каждую неделю письма писала! — Маша подступает вплотную к Михалычу.

— Какой интернат, что ты несешь? Светка в суд пошла, хватило же наглости! Ей там столько алиментов присудили, такие деньжищи — свой детский сад построить могла... — Михалыч как только слышит про детдом, сразу теряется и начинает бормотать.

— Пока рудник работал, ага. До девяносто первого. А потом меня мамочка в казенный дом отвезла, потому что жрать было нечего. И сказала, что за мной скоро приедут. Или она, или папочка. — Теперь Маша говорит тихо. — А, у меня же еще бабушка и дедушка были... Но тут даже ей духу врать не хватило.

— И Агриппину мою приплела! Грушеньку... Всю семью... Тьфу ты! — Дед упорно не хочет ей верить.

— Семья? Ха! А я — не семья, что ли? Не дочь ему? Заделал и забыл. Урод! — Маша чуть не плачет.

— Мишка не знал. — Михалыч защищает сына, но в глубине души чувствует, что тот ему многое не рассказывал.

— Точно знал, стопудово. Ему директриса интернатовская телеграммы отправляла. — Маша делает паузу и успокаивается. — Мне от тебя ничего не надо, подавись ты своим наследством. Ты только сертификат на материк получи, а не на райцентр. Ехать-то тебя никто туда не заставляет. Что ты уперся? Подмахни бумаги и живи тут.

— Много ты понимаешь! Пока Веселка на бумаге, сюда дорогу чистят. Есть поселок на бумаге — значит, живет. — Михалыч, как ни странно, не рад смене темы.

— Да не оживет он уже. — Девушка качает головой.

— Вернутся, прибегут обратно как миленькие! Тут такая инфраструктура, такая база на руднике законсервирована... — Михалыч говорит о бывшем своем предприятии ласково, как о человеке.

— Ну ты, блин, даешь, строитель коммунизма! — Внучка удивленно смотрит на него.

— Я ж эту жилу нашел в шестидесятых, в первой экспедиции был геологической. Да тут запасов столько под землей! Ты же не знаешь об этом ничего... — Старик закусывает губу.

— Екнулось твое светлое будущее. Не успело начаться — а уже закончилось, — медленно, как будто сумасшедшему, говорит Маша.

Михалыч свистит, подзывает к себе собаку.

— Ты все равно в той стороне не ходи. Я там капканы поставил, — объясняет он и скрывается в зарослях стланика.

Маша смотрит на кусты, как будто ищет взглядом опасные ловушки, и ничего не видит. Но на всякий случай уходит в другую сторону.

Глава 6

Валера в доме деда бродит по кухне, стучит пяткой по полу. Останавливается недалеко от входной двери, нагибается, поднимает половик — и видит в полу крышку от подпола с металлическим кольцом. Открывает ее, смотрит в черный провал, присаживается на корточки — и скорее угадывает, чем различает в темноте деревянную лестницу.

Он оглядывается, встает и берет со стола фонарь. Проверяет — батарейки рабочие. Валера еще раз прислушивается: вроде никого на дворе, — после чего спускается в подпол.

Там, внизу, сухо и чисто. Валера разглядывает стеллажи — на полках есть немного припасов: мука, сахар, крупы. Рядом в деревянных коробах картофель, морковь и свекла. В двух маленьких бочонках литров на двадцать, высланных изнутри полиэтиленом, засолены огурцы и капуста. Валера достает один малосольный огурец из бочки и хрустит им.

— Бабка вкуснее делала. — Но все же дожевывает соленье.

Возле одной из полок он замирает. Присматривается. Подходит ближе, хватается за стеллаж, приподнимает его и поворачивает на девяносто градусов. За стеллажом ниша, а в ней — большой металлический сейф. Валера делает шаг к нему.

— А вот этого здесь десять лет назад не было...

Он роется в карманах, находит мультинож. Прощупывает скважину для ключа, подбирает нужную отмычку, орудует ею — и вскоре слышит тихий щелчок. Не пропали навыки, с закрытыми глазами любой замок вскрыть может!

Но содержимое тайника приводит исследователя в ступор. Внутри несколько полок — и одна из них вся занята стопками бумажных денег. Валера радостно берет пару из них — и истерично хохочет. В одной советские рубли. А вторая — новые русские деньги времен дефолта с тремя «лишними» нулями. Они уже лет шесть не в ходу.

— Фантики! Даже печку толком не растопить. — Он возвращает бесполезные бумажки на место.

Шарит на второй полке. Там лежат картонные папки. Валера нетерпеливо открывает одну — в ней старые, советские личные документы его деда и черно-белые фотографии.

Луч фонарика выхватывает семейный снимок начала семидесятых. Молодые еще Михалыч, отец и мать Валеры, а вот и он сам на трехколесном велосипеде. Весной снимали: все в куртках и резиновых сапогах. Валера забирает эту фотографию себе, прячет в карман.

На последней полке лежат патроны. Валера раздумывает, нужны ли они ему — наверху такие же стоят коробками по подоконникам. И тут он слышит лай Белого с улицы.

Когда Михалыч с собакой заходят в дом, Валера уже сидит за столом и раскладывает карты на скатерти. Белый рычит на него, дед хмурится.

— Погадать решил? — Михалыч раздевается, цыкает на собаку.

— Да так, фокусами балуюсь. — Валера собирает карты и прячет в карман. — Чай сделать?

Дед кивает, садится за стол.

— Мать-то твоя что на похороны не приехала? И ты? Я телеграмму давал. — Старик говорит отрывисто. Он все вспоминает разговор с Машей.

— Долго рассказывать. Она в секту в девяносто четвертом попала. Я в итоге между бабушкой и тетушками, мамкой ее и сестрами, мотылялся. Она с нами не общается. Мы ж грешники, дедуль. — У Валеры непроизвольно дергается щека.

— Вроде нормальная была. Времена такие, все с глузду съехали. — Михалыч ищет конфеты в шкафчике.

Валера находит их раньше него, кладет на стол, споро разливает чай.

— Тебе-то самому тут как в одиночестве? — интересуется внук.

— Да нормально. Дверь вот только на ночь крепче запираю. И ружье под кроватью держу. Шарятся всякие... Патроны вон всегда под рукой. — Дед кивает на коробки с боеприпасами.

— Ищут, наверно, что-то ценное, — задумчиво говорит Валера.

Михалыч пьет чай, тарабанит пальцами по столу.

— «Рыжика» у меня нет. И отец твой все сдавал сразу. Сроки за хранение сейчас ого-го! — быстро и отрывисто говорит он.

— А кому сдавал? — не унимается Валера.

— Ну иди и у него спроси! — вызверяется старик. — Хоть раз, для приличия, на могилке постоишь.

— Схожу. Расскажу ему, что чудом сам в детдом не уехал. У меня ж такая родня — джекпот, а не семейка! Дед дикий, сестра дикая... — заводится Валера.

— Так, еще один обиженный. — Михалыч допивает чай. — Я тебе сопли вытирать не буду. Я эту дурную уже наслушался.

— Она твоя внучка. Родная. Не веришь? Грубая, противная, никого не слушает, сразу с козырей заходит, никаких тузов в рукаве... — Валера пытается шутить, но вместо привычных остроумных выводов выдает то, что думает.

Михалыч тяжело смотрит на внука, встает и уходит к себе в комнату.

— Вся в тебя! Это у вас с ней семейное! — вслед ему кричит внук. — Всех к едрене фене послать, а дальше хоть трава не расти. Я тут, по ходу, один приемный. Реально, debil — семье радуюсь.

Михалыч ходит по своей комнате кругами и слушает, как разоряется внук.

— Какие все нежные. Полстраны после войны... Где мы росли, по-вашему? — тихо говорит старик сам себе.

Вечером Маша, замерзшая и мокрая по пояс, с удочкой на плече, возвращается с ручья. У нее зуб на зуб не попадает. Ручей она нашла, только обрыв в высокой траве не увидела. Хорошо, что там неглубоко оказалось. На ноги приземлилась, устояла. Замечательно, что ни деда, ни клоуна этого там не было — она бы со стыда умерла.

Маша хочет тихонечко нырнуть в дом, проскользнуть в комнату и быстро переодеться. Но видит у ворот мешок с углем. А метрах в пяти от калитки — джип главы района. Она уже видела этот внедорожник в Радужном, пролетал иногда мимо.

Из этой черной громадины выскакивает мужик из областной администрации — он ей бумаги на переселение и втюхал, и все рассказал, и наобещал тоже много. Как же его там... Леонид, что ли? А самый главный в районе о чем-то шепчется за машиной с Валерой. Маша хочет подойти к ним, и плевать, что вся мокрая, но референт Леонид преграждает ей путь.

— Мария Михайловна, здравствуйте! Я на всякий случай вам еще раз бумаги распечатал. — Ленечка протягивает ей копии документов. — Вы данные свои проверьте — правда, я проверял, — и можно подписывать.

— Радужное? — Маша берет бумаги.

Референт кивает.

— На растопку пойдут. Вы не стесняйтесь, еще привозите! — Девушка зло комкает документы, отворачивается, но референт — вот змея! — опять оказывается перед ней.

В нескольких шагах от них Синицын хлопает Валеру по плечу:

— Дедуля твой дом такой отгрохал, молодец! А сердце прихватит — и что? Мавзолей он себе отгрохал.

— Да он бодрый вроде. — Воскресенский-младший знает такие интонации, все мутные дела с них начинаются.

— Валера, тут же медвежий угол, дальний! — Глава района теряет терпение. — Если что, ни скорая, ни пожарка не успеют.

Референт, стоя перед Машей, начинает говорить громче:

— Очередь на постоянное место жительства в центральные районы страны не двигается. Люди в девяносто третьем году встали в хвост, так и стоят. Мало сертификатов каждый год дают. Это ж не мы решаем, а там, в правительстве! А так — гарантированно квартиру получите. — Ленечка заискивает перед этой оборванкой и сам себя за это ненавидит.

— Я только на материк. Вы так правительству и передайте. — Маша чувствует себя хозяйкой положения.

Синицын наконец замечает девушку и отводит Валеру подальше.

— Дед твой, подозреваю, углем нашим брезгует пока. Видел, где складывает? — продолжает он.

Валера пожимает плечами.

— У него там, в снях, — и дрова, и уголь. Опасно, между прочим, — уже не просто намекает Иван Григорьевич. — Ну, бывай!

Маша смотрит, как этот хмырь в дорогом костюме и ее братец жмут друг другу руки.

Синицын идет к машине, по пути кивает Маше, открывает дверь и зовет:

— Ленька!

Референт откланивается ей и садится на место пассажира. Глава района захлопывает дверь.

— А чего этот без водителя? — Маша подозрительно смотрит на Ивана Григорьевича, который возится на шоферском сиденье.

— Неофициальный визит, — отшучивается Валера. — Уголь вон не по графику привез, переживает за нас.

Глава района заводит машину, разворачивает ее, останавливается возле Воскресенских, опускает стекло. Говорит с улыбкой:

— Молодежь, вы быстрее вопросы решайте!

— Нам сводку гидрометеоцентра прислали. Циклон движется! Еще пара дней — и десять-пятнадцать сантиметров осадков, — пищит Ленечка.

— А через неделю тут снега по горло будет. Дедуле — привет! — Чиновник больше на них не смотрит.

Машу начинает бить дрожь, она идет в дом. Валера хватает мешок с углем и тянет по земле вслед за ней.

Михалыч при свечах разбирает и чистит винчестер. Недавно этим занимался, но оружие порядок любит. Да и запасного ствола у него нет: собирался купить, но все сбережения на похороны ушли...

В дом заходит мокрая и уставшая Маша.

— Ты где угваздалась? — В голосе деда ни капли сочувствия.

Маша пожимает плечами, быстро сбрасывает верхнюю одежду, бредет в комнату отца. Вслед за ней с улицы появляется Валера. Штаны все в угольной пыли, руки тоже.

— Там Манька переодевается, — предупреждает Михалыч.

Внука тон старика задевает.

— Уже Манька? А она тебя как зовет — любименький дедушка?

Пока Валера моет руки, зло посматривая на старика, Маша, уже в чистой одежде и с пледом на плечах, выходит из комнаты и садится поближе к печке.

— Чего вы там шептались с чудилой этим в костюме? — громко спрашивает она у брата.

— Спасибо ему сказал за уголь. — Валера смотрит на свои испорченные штаны, прикидывая, можно ли их отстирать без порошка, хозяйственным мылом.

Михалыч и Маша молчат.

— Котельную отрубили, по закону вот — доставляют. Лишний уголь, что ли? — Валера оправдывается и сам себе за это не нравится.

Михалыч собирает детали винтовки на газету и уносит в комнату. Маша греет руки у печки.

— Дед совсем как чужой. А раньше он меня и на охоту брал, и на рыбалку... Я тебе не рассказывал, как мы на озеро Джека Лондона с ним ездили? — Валера улыбается воспоминаниям.

Маша не меняется в лице. Встает и тоже уходит с кухни.

Валера садится к печи на ее место. Достает старое фото, на котором ему три года и он самый модный парень на деревне — ни у кого таких трехколесных велосипедов не было. Воскресенский-младший смотрит на снимок в последний раз, поджигает его и бросает в печь. Обгоревший снимок планирует вниз, на железный поддон, но Валера этого не видит и закрывает заслонку.

Ночью Михалыч встает, чтобы добавить в печь угля. Молодежь спит без задних ног, холода пока не чувствует, а старик по опыту знает: еще чуть-чуть, и ударят морозы. Минимум ведро угля в сутки будет уходить. Он думает, хватит ли запасов и будет ли этот чинуша из райцентра возить топливо каждую неделю. Смотрит вниз — и видит на поддоне обгорелый кусок его любимой семейной фотографии.

Семьдесят третий год, что ли. Михалыч еще молодой, внук новый велосипед осваивает. Валерка даже в кровать с собой этот велик постоянно тасил — все переживал, что его железный конь на улице замерзнет. Смешной такой был... В Веселке тогда только что обогатительную линию запустили. Новый штат набрали, дома каменные для сотрудников строить начали. Детский сад, школа — ну и пусть в одном здании, зато детишки учатся, всегда под присмотром. Ни намек тогда не было на этот ветер перемен, черт бы его побрал, который с начала восьмидесятых что-то такое надул сыну Михалыча в уши. Мишка и на работе халтурить

начал, и на план положил огромный болт, и новую жилу от начальства скрыл. Надо было ему тогда разрешить частную артель открыть, это и в советское время не возбранялось. Но Михалыч же за страну радел: зря, что ли, он так бился за открытие рудника и фабрики горно-обогатительной в этом районе. Чтобы золото добывали и сразу, на месте, его и оформляли.

Любимая фотография. В единственном экземпляре осталась. На- столько любимая, что Михалыч пару лет назад спрятал ее даже от сына в сейф в подвале. Там еще подарок на свадьбу Валерке лежит. Сувениры — старые облигации. Не успел Михалыч их поменять в девяносто третьем, а про деноминацию и вовсе спустя полгода после нее узнал. Он ведь месяцами в райцентр не ездил.

Старик смотрит на циновку возле порога, под которой прячется вход в подвал. Выходит, Валерка туда залез и вскрыл сейф. Значит, он, Михалыч, ничего о своем внуке не знает... Дед подбирает обгоревший кусок снимка и, открыв заслонку, бросает в печь.

Глава 7

Маша утром даже завтракать не встает. Просыпается раньше всех, вытаскивает из шкафа металлоискатель, собирается и тихо, как мышка, выскальзывает из дома. Ей не дает покоя мысль о тайнике возле ручья. Если *этот* не успел его опустошить и сдать «рыжик», то ей и сертификат не понадобится. Она себе не то что квартиру — дом купит! Коттедж трехэтажный с видом на море. И море будет не Охотское, а Черное! Если *этот* внезапно на тот свет отправился, то точно не успел продать или передать скупщикам. Она на секунду задумывается, не стоило ли побольше выспросить у деда. Но подозревает, что этот угрюмый старик правды ей не скажет. Он и на родного внука вчера зверем смотрел, когда узнал, что тот с чиновником из райцентра шушукался.

Маша быстро находит ручей и отправляется бродить с металлоискателем по кустам. Но прибор реагирует писком в лучшем случае на старые консервные банки. Маша чертыхается про себя, но не сдаётся. Сегодня с ней обязательно случится что-то хорошее.

Валера просыпается через минуту после того, как сестра закрывает за собой входную дверь. Настроение у него — ни петь, ни рисовать. Он тоже быстро одевается, захватывает с собой пачку печенья и флагу с водой и отправляется в поселок.

Доходит до первого двухэтажного дома на окраине, игнорирует корявую рукописную надпись краской: «Не входить! Частная собственность!» Входная дверь заколочена накрепко. А вот окна — разбиты. Через одно из них на первом этаже Валера и пробирается в опустевший дом.

Полы вскрыты, плинтусы отодраны, обои наполовину сорваны, а остатки разрисованы похабными рисунками. Валера смотрит под ноги,

чтобы не напороться на гвоздь или осколки стекла. На полу плотным ковром игрушки, книги, конверты с погашенными марками и написанными адресами, письма, пластинки, документы, фотографии... Валера идет, наступая на них.

На кухне поживиться нечем, такая же разруха. Кто-то здесь уже побывал, судя по разбитой мебели. Валера на всякий случай открывает чудом сохранившийся шкафчик и, оторопев, смотрит на целый набор советского хрусталя: бокалы, салатницы, вазочки какие-то... Удивительно, что вандалы его не тронули. Валера вспоминает, сколько во времена его детства стоил такой сервиз, и присвистывает. Забыли? Перевес по багажу был? В чемодан не влез?.. Незванный гость аккуратно закрывает дверцу — пусть следующий визитер тоже подивится человеческому скопидомству.

На полу Валера видит настенный календарь — тоже привет из детства. Каждый день отрывали по страничке, на обороте обычно печатали советы домохозяйкам или народные приметы. Он подбирает находку. Последняя страница датируется семнадцатым августа тысяча девятьсот девяносто восьмого года. Как услышали последние жители Веселки новости по телику, так и драпанули отсюда.

Валера мрачно смотрит на разоренную квартиру, пытается вспомнить, был ли он тут раньше в гостях. Вполне вероятно, что здесь жил кто-то из его одноклассников или коллег отца. Внезапно ему кажется, что в соседней комнате лежат трупы его бывших знакомых. Вся семья в полном составе, в лучших костюмах и нарядах. Валера почти бегом направляется к разбитому окну и выпрыгивает через него на улицу.

Он бродит по местам детства, узнает старые вывески. Вот почта. Тут был киоск, в котором можно было сдать обувь в ремонт. Вон продуктовый магазин, куда каждое утро ящиками привозили молоко и кефир в зеленых стеклянных бутылках с крышками из тонкой фольги. В центре поселка — заброшенное одноэтажное здание, одно из самых больших. И табличка еще цела: «Школа — детский сад “Солнышко” п. Веселка».

Валера решительно сворачивает к альма-матер и заходит. Ну как заходит — запрыгивает через остатки крыльца в дверной проем. Сами двери кто-то давно снял.

Бывший ученик идет по школьному коридору с драным линолеумом на полу, заглядывает в один из классов. Какие-то черти тут шашлыки устраивали: в середине кабинета следы пожара, на растопку пустили парты и стулья. Зато на классной доске еле различимая надпись мелом: «Прощай, Веселка, не забудем тебя никогда!»

В спортивном зале тоже будто Мамай прошел. Валера на секунду застывает на пороге, а потом идет к почему-то еще целой гимнастической стенке. За ней на крашеной стене накарябана кривая надпись: «Валерка В. из 7 “Б” — дурак» и дата: «15.01.1981». Валера подбирает кусок кирпича и добавляет рядом цифры: два, ноль, ноль, три.

— Зато красивый. Был и остался, — вслух говорит Воскресенский-младший и осекается.

Как-то громко начинает гудеть ветер под крышей и шуметь лес вокруг. Как будто Валерку из седьмого «Б» никто здесь не ждал, а он приперся. Еще и с опозданием, на чужой урок, в другой класс.

На центральной улице Воскресенский-младший останавливается возле проржавевшего остова красной когда-то «нивы». Трогает крышу — она тут же осыпается красной пылью. На металлолом уже не сдать. Да и охотники за железом и цветметом, скорее всего, давно забрали все самое ценное. «Камазами», небось, вывозили. Бывший житель поселка клянет про себя этих мародеров на чем свет стоит. То ли за то, что успели раньше него. То ли за то, что ни стыда, ни совести у людей — покойника грабить.

На центральной площади смотрит в светлое будущее гипсовый Ильич. Удивительно, что еще стоит: половины памятника уже нет, да и часть головы снесли, как будто прицельно камни кидали. Постамент зарос травой и молодым кустарником. Еще пара лет — и вождя пролетариата не будет видно.

На «скелет» Дворца культуры, как в Веселке громко называли местный клуб, Валера даже не смотрит. Полуразрушенные стены, изуродованные колонны и провалившаяся крыша. Вместо окон черные проемы. Единственному прохожему кажется, что из них за ним кто-то следит. Но кто тут может быть, кроме лис да медведей?

Валера вспоминает про хищников, подбирает палку и отправляется домой, к деду. И как только старик с ума не сошел тут, на останках своей бывшей мечты?

Маша уже два раза облазила все кусты возле ручья, но не нашла ничего, кроме нескольких грязных бутылок от спиртного, окурков и консервных банок. И те, видимо, еще в прошлом веке здесь оставили. Девушка смотрит на воду в ручье — надо бы умыться да напиться перед обратной дорогой.

Она делает шаг и замирает. Вокруг нее пропадают все звуки. Маша медленно поворачивает голову и сначала слышит тяжелое дыхание, а потом уже видит в паре метров от себя медведицу. Из кустов выглядывают то ли два, то ли три медвежонка. Любопытные мальцы с бурой шерстью и глазами-угольками, размером не больше овчарки. А вот мамаша — с японский джип. Или так от страха кажется?

Медведица предупреждающе рычит.

Маша медленно поворачивается к ней лицом, крепче сжимает металлоискатель правой рукой, а левую кладет себе на живот. Медведица делает к ней шаг, снова рычит. Подходит ближе, нюхает воздух — и останавливается на расстоянии вытянутой руки. Маша стоит, следит за хозяйкой леса.

Медвежата уже убежали или спрятались, их не видно. Медведица смотрит в их сторону — там только чуть колышется трава.

От ручья слышен голос Михалыча:

— Манька... Манюша... Ты медленно-медленно сдвинься вправо.

Дед замер метрах в десяти от внучки и зверя, в руках винчестер, рядом в охотничьей стойке — Белый.

— Она меня не тронет. Меня никто больше не тронет, — тихо, но твердо говорит Мария и смотрит на живую угрозу. — А если ты, сука косолапая, на меня кинешься...

Медведица еще раз нюхает воздух возле живота Маши, пятится и уходит. Напоследок рычит, затем резво поворачивается и исчезает в кустах.

— Чудеса! — откашливается Михалыч. И уже более сиплым голосом инструктирует: — Спиной к ней не поворачивайся. Иди ко мне. Задом... Да, так...

Маша смотрит в ту сторону, куда ушла медведица, и шаг за шагом спиной идет на голос деда.

— Везучая ты. — Михалыч держит кусты на прицеле.

— Это у нас семейное, — усмехается Маша.

И тут же страшно кричит. Капкан, которого она не заметила, защелкивается на ее правой ноге чуть пониже колена.

Михалыч спешит быстрее донести внучку до дома, но на это уходит не меньше часа. Он пытается понять, сколько крови потеряла Манька. Вон бледная какая...

Старик кладет девушку на кровать в комнате сына. Да, знатно капкан ее цапнул — кожа и мясо висят лохмотьями, а под ними видна кость. Михалыч достает аптечку и готовится обрабатывать рваную рану. Средневековье... Вместо антисептика — самогон, он же и вместо обезболивающего.

Маша приходит в себя за секунду до того, как Михалыч льет самогон ей на рану.

— Лучше бы ты и дальше в отключке была, — ровно говорит дед. И мысленно себя хвалит — голос даже не дрожит.

Он отставляет бутылку с самогоном, берет чистый бинт и осторожно протирает края раны. Маша от боли стискивает зубы, но приподнимается на локтях и пытается посмотреть на ногу.

— Не смотри. Я ж говорю, везучая, кость не сломана, — спокойно продолжает старик. — Так, поцарапала. Отлежишься и будешь как новенькая. Только пока не наступай на эту ногу. И надо бы в больницу, конечно...

— Не поеду. — Маша пялится в потолок.

— ...пусть доктора снимок на всякий случай сделают. — Михалыч берет иглу и нить. — Я края схвачу, а там уже врачи перекроют... Ты бы глотнула «сэмчика».

— Не поеду. И пить не буду. Мне нельзя. Ничего нельзя. — Девушка кладет руку на живот.

— Антибиотик можно. От сепсиса. Капкан на том месте уже пару лет валяется, на нем любая зараза может быть. — Михалыч начинает твердой рукой сшивать рваные края раны. — Пей, говорю! Мы в экспедициях годами без скорых обходились. А как иначе, если до врачей — пара тысяч километров? Я из таких передряг мужиков вытаскивал! Сами все умели.

Маша неловко хватает упаковку таблеток с табуретки, вскрывает и достает пару. Вздыхает, сует в рот и медленно, с отвращением пережевывает: Михалыч занят, воды подать некому.

— И ничего не спросишь? — Внучка снова кладет руку живот.

— А зачем? Не от хорошей жизни ты сюда прискакала за деньгами. — Дед делает стежки побольше — так останется меньше проколов.

— За хорошей жизнью. Для меня и для него. В Сочи. — Маша стискивает зубы.

— Сочи... Сын все туда хотел. Папаша твой, — хмыкает дед.

— Нет, это мне мама рассказывала! — протестует Маша.

— От Мишки наслушалась, вот и рассказывала. Лето круглый год, прибор, абрикосы... — вспоминает старик.

— Абрикосы под ногами валяются. Пальмы, — подхватывает и замолкает Маша.

— Пальмы под окнами... Небо как море... — продолжает Михалыч.

— Как море, без конца и края. Дальше, дальше... — Маше хочется плакать, но совсем не из-за боли в ноге.

— Дальше горизонта, — усмехается Михалыч. — Одни он всем песни пел. Я бы знал, я бы еще в советское время отсюда дернул бы в эти Сочи с ним и с Грушей, бабушкой твоей. Но мы же на страну работали! А теперь ни страны той нет, ни мы никому не нужны. Север, видите ли, перенаселен, как сказал один жирный никчемный внук хорошего писателя.

Маша опять смотрит в потолок и думает о своей маме, которая наизусть запомнила вранье ее отца. Сказочное вранье о сказочном месте, которое могло стать их общим домом.

— Вот все и рванули отсюда. А потом нужны, нужны тут будут люди! А где их возьмут? — Михалыч начинает было любимую тему, но смотрит на внучку и понимает, что аудитории он лишился.

— Мама. Сочи. — Пациентка закрывает глаза. На лбу испарина, лицо бледное.

Михалыч заканчивает зашивать, убирает иголку и нить. Из кухни доносится звук открывающейся входной двери. Лает собака.

— Белый, тихо! — шикает Михалыч, смотрит на девушку. — Вот и поговорили.

В комнату заглядывает Валера.

— Что случилось? Куда она опять залезла?

— Ша! Заснула. — Михалыч машет внуку, чтобы тот не шумел.

— Помощь нужна? — шепчет Валера.

Михалыч жестами показывает, что все медицинские инструменты надо убрать, а таз с водой — вынести и вылить. Сам встает и уходит мыть руки на кухне. Валера собирает обрывки бинтов, иногда смотрит на ногу Маши, вздыхает, качает головой. Зимовка обещает быть экстремальной.

Глава 8

Глава района не соврал. Не проходит и недели, как ложится снег. За ночь он по-хозяйски укутывает землю полуметровым покровом. Все, мол, привыкайте к зиме.

В километре от дома в лесу Михалыч и Валера длинной двуручной пилой пилят старое сухое дерево. Насколько быстро и без одышки орудует дед, настолько медленно и устало действует внук. Вжик, вжик, крик. Пила застревает в дереве. Валера с явным облегчением идет в сторону отдыхать.

— Вот же криворукий! — ругается Михалыч и пытается освободить инструмент из ствола.

У него это получается, но пиле кирдык — зубья погнулись и затупились.

Вечером дед и внук рубят возле дома дрова. Возле старика уже груда в полкуба. А Валера поодаль то промахивается, то машет невпопад. Плюм! Одна из чурок летит в Михалыча.

— Паразит! — Дед еле успевает отступить с пути опасного «снаряда».

Внук опять замахивается — и топор соскальзывает прямо ему на ногу. Повезло, что не лезвием.

Ближе к ночи Валера, Маша и Михалыч ужинают. Лайка спит под столом. Дед приканчивает первую тарелку супа и краем глаза косится на два блюда с простыми лепешками и жареными пирожками с голубикой. Девка на одной ноге прыгает, но на кухне сегодня ловко управилась.

— Ничего так. Есть можно. — Михалыч наливает себе вторую порцию супа.

Валера надкусывает пирожок.

— М-м-м... Систер, ну ты мастерица! У матери научилась?

— В школьной столовой работала после интерната. Мы там, как дефолт грянул, из воды, муки и соли десять видов теста раскатывали, — вспоминает Маша.

— Валерка! Меньше всех работаешь, больше всех ешь. Манька хромая — а гляди, как по дому шустрит! — хвалит внучку дед.

— Я тоже с больной ногой, — возмущается Валера.

— Толку от тебя! — фыркает дед и заговорщицки шепчет Маше: — Знаешь, как он себе инвалидность сегодня чуть не заработал?

Валера встает, кладет пустую тарелку с ложкой в таз на печке и уходит в комнату. На пороге оборачивается и видит, как Михалыч и Маша о чем-то шепчутся и смеются.

Против своей воли он вспоминает себя, уже здорового лба, поздним вечером лет пять назад стоящего на лестничной площадке возле двери одной из тетушек в Новосибирске. Матушка тогда взяла и переписала свою квартиру на новых друзей с постными лицами и нудными речами. А сыну ее эти святоши даже вещи не отдали: мол, это все мирское, Валерочка, суета, тлен. Что означало: с утра твои манатки на помойке, иди ищи. Тетушка про все это не знала и домой не спешила. То ощущение

бездомности и беспомощности ему потом долгое время приходилось гнать от себя почти каждый день. Надо же, вернулось.

Валера всю ночь ворочается, вздыхает. Встает раньше сестры и деда, одевается и напоследок громко хлопает дверью. Спят они, бездельники! А вот он сегодня им обоим покажет — сам воду с реки привезет, без просьб и напоминаний. Он ставит канистру на санки и топает с ними в сторону речки. Не дурак, топор и ведро прихватил. Морозы стукнули серьезные, лед уже сантиметров двадцать, не меньше.

Санки и канистру он оставляет на берегу, сам с ведром и топором осторожно скользит к середине реки. (Его потом спросят, зачем так далеко зашел, и он ничего не сможет ответить.) Река во льду, лед в снегу, местами даже сугробы. Валера замахивается и аккуратно колет лед. Еще пара взмахов, и можно набирать воду.

Из-за холма к реке выскакивает дед.

— Валерка! — орет он на бегу.

— О, дедуля! Видишь, я тоже что-то умею. — Внук ухмыляется и от души бьет топором.

— Уйди... со льда!.. — Старик аж захлебывается словами.

— Иждивенец, паразит, криворукий... — бурчит себе под нос Валера, но останавливается.

— Белый лед нельзя рубить! — кричит Михалыч.

Треск. Валера смотрит вниз — лед под ним расходится. Он только успеваает взмахнуть руками — и стоя, как солдатик, уходит в предательски расплзшуюся полыню. Топор отлетает в сторону и остается на льду.

Михалыч давит в себе гибельное желание в два рывка добежать до внука. Опускается сначала на четвереньки, а потом и вовсе ложится на лед и ползет к проруби. Доползает до топора, зачем-то хватает его, другой рукой смахивает снег с замерзшей поверхности реки. В черной воде сначала ничего не видно. Но вот подо льдом старик видит лицо Валеры с вытаращенными глазами. Внук неуклюже бьет руками по льду снизу, пытается схватиться хоть за что-нибудь. Время замирает. Дед и внук смотрят друг на друга. Валера пускает пузыри, пытается что-то сказать, разводит руками, будто извиняется — и тут течение подхватывает его и несет...

Дальше — как в очень страшном сне, настоящем кошмаре. Михалыч поднимает голову, смотрит вперед и, занеся руку с топором, мечет его метров на десять перед собой, а сам отталкивается руками и скользит следом. Хватается за рукоятку топора — лезвием вниз зашел. Лед и тут трескается, Михалыча заносит и разворачивает в противоположную сторону. Но он остается на месте, держит крепче топор и лежа крошит лед. Перевалившись на левый бок, медленно водит рукою под водой. Лишь бы не пропустить, лишь бы не упустить... Сухой треск идет со всех сторон, тихий, предательский, чуть заметный, но Михалыч остается на месте. Лишь бы Валерка сознание не потерял! Тут течение и летом не бурное, а зимой еще спокойнее должно быть.

Везучий Воскресенский-младший открывает глаза под водой, выбирается из ставшего чугунным тулупа. Вниз, на дно, уходят и валенки: намкнув, они стали как гири. Валера стучается головой о лед, опять пузырьками выпускает воздух, но таращится изо всех сил и ищет, где посветлее. Мышцы сводит от холода, руки-ноги не слушаются. И тут он замечает впереди что-то белое и вцепляется в него.

Он чуть не утягивает в полынью и деда, но Михалыч втыкает топор рядом в лед и держится. Так себе точка опоры, но другой нет. Валера высовывает голову из воды, кашляет, сипит, молотит, как дурной, по кромке льда — и только еще больше ломает и крошит его.

— Ша! Тихо! — сквозь зубы командует Михалыч. — Держись, Валерка... Валерочка... Да что ж ты, внучок, такой же, как отец, — упрямый!

Валера ничего не слышит, только чувствует, что холод почти добрался до сердца. Удивляется про себя — неужели он весь превращается в лед? Закрывает глаза, и дед вытягивает его, обмякшего, из полыньи. С одной стороны Михалыч рад, что внук не дергается, а с другой — ему страшно: неужто поздно спасать? Старик матюгается про себя и осторожно волочет бесчувственное тело к берегу. Вставать нельзя, бежать нельзя, паниковать нельзя.

На берегу реки с запасным тулупом в руках скачет Маша. Она все еще хромает, поэтому подросла только сейчас. На реку не ступает — она-то в курсе, что после первых морозов на водоемах делать нечего, лед еще как следует не схватился. Маша видит, как дед медленно тянет ее брата по снегу и льду. Валера и сам белый, как снег, только губы синие. Девушке кажется, что путь двоих мужчин на берег длится час, не меньше. Подумав, она идет за санками, ставит их поближе к реке и, кусая губы, ждет.

Вытащили! Теперь бы только до дома довести.

Михалыч и Маша тащат санки с Валерой, накрытым тулупом. Воскресенский-младший почти без сознания. Иногда он открывает глаза, но видит все как в бреду.

...Любопытную собаку, которая тычется носом ему в лицо...

...Верхушки деревьев и голубое небо...

...Испуганные глаза Маши, когда она оборачивается...

...Спину деда-великана. Сейчас дед такой же большой и сильный, каким казался внуку в детстве.

Валера закрывает глаза. Стужа, постояв у сердца, откатывается куда-то вниз, в область солнечного сплетения. И забирает с собой память о вечере, когда он оказался без дома и без вещей под дверью тетушкиной квартиры.

Михалыч топит баню, затаскивает туда Валеру, раздевает и усаживает в большое корыто. Льет горячую воду из чанов. Отгоняет Машу, собравшуюся растереть брату руки и ноги:

— Нельзя, ты что! Если вперед холодная кровь в сердце попадет, он точно с инфарктом свалится. Лучше собери ему одежду теплую и морса из брусники побольше навари.

Девушка мелко кивает и, прихрамывая, уходит в дом. Дед льет воду и наблюдает, как постепенно розовеет кожа «героя» сегодняшнего дня. Валера все еще холодный, но постепенно приходит в сознание, глаза вот только держит полузакрытыми и смотрит куда-то в сторону. Старик осматривается, находит термометр, проверяет температуру воды в лохани. Надо горячую, но выше сорока градусов нельзя. Он мысленно прикидывает, сколько времени внучок провел на холоде. Минут пять под водой, минут десять его тащили на сушу, минут двадцать пять волокли до дома... Сорок минут. Везучий! Еще бы десять — и уже не отогрели бы, заморозил бы и кожу, и нутро.

— Давай еще минут пятнадцать тут погрейся, а потом в дом, к печке. Ничего нигде не колет, не болит? — спрашивает дед.

— Холодно. Может, жиром медвежьим растереть? — Валера хрипит.

— Угу, и снегом — чтобы уж точно угробить. Где ты этого начитался? Среди нормальных людей вроде рос. — Михалыч сплевывает. — Ты еще водки попроси с перцем, чтобы уж точно «мотор» посадить.

— Да ладно тебе. Я не в курсе, как вы тут, в тайге, спасаетесь, — огрызается внук.

— Древним шаманским заклинанием. Посредством магической спутниковой связи вызываем железную птицу, вертолет санавиации называется. И везут колдуны болезного в город, к волшебным антибиотикам и мистическим физиопроцедурам, — нараспев произносит дед.

Под конец не выдерживает, ржет как конь. И Валерка тоже начинает трястись от смеха. Такими, раскрасневшимися и гогочущими, их и видит Маша, навьюченная теплыми вещами и запасной одеждой. Она улыбается — брат так смеется, будто и не было сегодня ничего на реке.

Потом Валеру держат пару часов у печки, в одеяле из верблюжьей шерсти, кормят «от пуза» жаренной на сале картошкой и заставляют выпить чуть ли не всю кастрюлю кисло-сладкого морса. Михалыч на ночь щупает пальцы на руках внука, долго и сосредоточенно изучает его ноги, заставляет измерить температуру и только после этого отправляет спать — под двумя одеялами.

Дед и внучка сидят на кухне, смотрят в окно. Подорвались из-за Валеры спозаранку, кажется, что неделя прошла, а еще белый день на дворе.

— Тебе рожать-то когда? — спохватывается старик. Еще с утра хотел спросить.

— В марте, — неуверенно отвечает Маша.

— Ты у врача хоть раз была? — уточняет дед.

— Нет. У нас все легко рожают. По материнской линии — как кошки. Пара часов — и по делам побежали. — Будущая мать легкомысленно улыбается и кладет руку на живот, а дальше говорит уже так серьезно, что у ее собеседника ком встает в горле: — Мне нельзя в Радужный. Я чувствую, я его там потеряю. А он — мой. И я — его. Семья. Наконец-то.

Глава 9

Ноябрь. Веселка

За водой на реку после этого случая Михалыч с Валерой не сговариваясь отправляются вдвоем. Маша округлилась, двигается тяжело, но каждый раз увязывается за ними. Раскопала у деда в сенках бур с короткой удочкой и рыбачит. Ставит раскладной стульчик, садится неподалеку, лунку сделает — и тягает форелей одну за другой. Хоть и небольшие рыбки, а на ужин хватает.

Пес Белый от Маньки не отходит, замечает старик. Бродит за ней хвостом, охраняет. Как чувствует, что ей помощь и компания нужна. На Валерку пес уже почти не рычит, но и не подойдет лишний раз, и погладить себя не дает. А с девкой Белый на все готов: она и в бане его уже купала, и вычесывала. Бантики только не повязывала на хвост. Но суровый охотничий пес от нее, наверно, и это стерпит. Вот сейчас Белый притворяется, что охотится на ее улов, — то слева подпрыгнет к рыбе, то справа. А рыбачка вертится, пальчиком ему грозит, притворно «воришку» отчитывает, смехом заливается. Как дети малые, ей-богу.

— Манька, ты давай заканчивай с рыбалкой! Мне Белый нужен в лес. — Михалыч поворачивается к внуку. — Силки проверить надо.

Внук на лыжах за дедом не успевает. Но иначе тут не пройдешь, намело уже по пояс, наст хрупкий, провалишься и будешь сугробы буровить, пока насквозь не вымокнешь. Валера выглядывает красные ленточки на ветках: так они с Михалычем осенью поместили места, где оставили ловушки. Вон одна алая на ветру полощется. Воскресенские останавливаются возле нее, по очереди отгоняют Белого. Старик лыжной палкой проверяет сугроб, замело все за ночь начисто.

Вот он, голубчик. Под снегом застыл окровавленный заяц. Это хорошо. Форель, конечно, вкусная, но каждый день ею сыт не будешь, мужикам так она вообще на один зуб. Михалыч мрачно думает, что провиант в погребе подходит к концу. Таким макарон они уже на следующей неделе на подножный корм перейдут. Без запасов любая затяжная метель их заставит зубы на полку положить — не выберешься же никуда: ни на рыбалку, ни на охоту. Он отгоняет от себя смурные мысли и забирает косоглазого из капкана.

Вечером Михалыч, Валера и Маша играют в покер на спички. Внуку везет так неистово, что дед начинает очень пристально за ним следить. И ловит — «везунчик» припрятал туз в рукаве.

— Ой, завалилась! — Младший Воскресенский без тени смущения смотрит на козырную карту. — Сильно нужны мне ваши спички. На, Машка, забирай!

— Я вчера в подпол спускалась. Картофан закончился. Там вообще по мелочи осталось, в основном соленья. Муки пара килограмм всего, — подтверждает внука опасения Михалыча.

— Да ведь я на вас, дорогие гости, не рассчитывал. Запасы на одного были. — Дед не хотел этого говорить.

— Так может, в Радужный за хавкой смотаться? — Валера соскучился по цивилизации.

Единение с родней — это, конечно, хорошо, но у него уже передоз торжества семейных ценностей. И дедова самогонка надоела. Да и селянок неплохо бы пощупать. В общество выйти, так сказать. Есть же у них там хоть один ресторан или хотя бы придорожная забегаловка, где аборигены собираются. Валера чувствует, что еще пара недель простой деревенской жизни — и у него нимб над головой засияет да крылья ангельские под лопатками пробиваться начнут.

— Дорогу почистят — съезжу, — бурчит старик.

Валера и Маша переглядываются. Ни чиновников из Радужного, ни охотников, ни туристов — никого тут давно не было, да до весны, скорее всего, и не будет.

— Или можете сами — на лыжах. Утром пошкандыбаете — к ночи дойдете, — продолжает ворчать дед.

— Придется Белого варить. Или лучше зажарить? — Валера тасует карты.

Он смеется, а Маша и Михалыч смотрят на него с одинаковым и очень неприятным выражением на лицах.

Через пару дней в том же самом капкане дед с внуком находят только обглоданный остов зайца. Кругом на снегу куски меха и брызги крови. А еще — десятки небольших следов, причем не собачьих.

— Давай обратно домой! — Старик нервно оглядывается. — Волки. Остальные ловушки можно не проверять.

Как накаркал, брюзгливо думает Михалыч вечером. Пурга занялась, из дома не выйти. Хоть веревки во дворе развешивай, чтобы за них держаться и не заблудиться между домом, баней и сараем. Ни черта не видно ни днем ни ночью.

Несколько суток они почти не выходят из избы. Ветер снаружи лютует — воеет и зло бьется о стены и окна их жилища. Когда утихомиривается, люди с трудом выбираются на улицу. Дед с внуком часа четыре машут лопатами — расчищают двор. А потом небо опять затягивает. Михалыч чертыхается и громко объявляет, что зря они тут физкультурой занимались.

Следующий вечер. На ужин — пустые макароны. Валера ест и поглядывает на Белого. Уже без шуточек и прибауточек.

Потом заканчивается чай, а за ним и мука. Маша из каких-то остатков жарит лепешки, замешав тесто на воде.

Через день на столе уже только кипяток. Валера встает, смотрит в окно — вьюге конца и края не видно. Подвал он еще накануне весь проверил с фонариком: ни морковки тощей, ни картошки сгнившей, ни клубня махонького — нигде ничего не завалилось. Самогонку Воскресенский-младший всю прикончил: забирал иногда с собой в поселок еще по осени и пил на улице, этакая медитация с видом на развалины

своего детства. Дед, что удивительно, ничего по этому поводу не говорил, хотя смотрел неодобрительно. Только наливку на жимолости трогать запретил, сказал, что это на Новый год. Ягоду всю съели, Машка каждый день пирожки стряпала. Хорошо тут было... Еще месяц назад. Валера вспоминает вкус выпечки с кисло-сладкой начинкой и замирает. В желудке будто открылась черная дыра и напоминает о себе острыми резами.

Боли усиливаются, он сгибается, потом резко распрямляется и встает.

Думает, повезло, что он один на кухне. Берет со стола нож, идет к собаке, хватает ее за ошейник, тащит в сенки. Белый визжит и пытается укунить Валеру.

— Ты что удумал, внучок? — Михалыч выскакивает из своей комнаты и тянется к лайке.

— Не мешай!.. Не лезь, я сказал! — Валера крепко держит ошейник и отталкивает старика. — Это вы тут с Машкой добренькие и чистенькие. Ну ладушки, пусть злодеем сегодня буду я!

Они с дедом толкаются, пыхтят. Белый набирает голос и начинает лаять. Маша выбегает из своей комнаты: сначала из-за двери появляется пузо, а потом уже она сама. Бесстрашно вклинивается между дедом и братом, падает на собаку, крепко ее обнимает и так и лежит. По ее щекам текут слезы. Пес притих, не дергается, только умоляюще смотрит на хозяина: мол, что за дурдом ты тут развел, нормально же жили. Понаехали эти двуногие, теперь и жрать нечего, и ведете себя все как псы одичалые.

Валера и Михалыч одновременно отступают в стороны, чтобы не задеть Машу.

— Не смей. Не трогай! — Маша сама почти рычит на Валеру и тут же, без перехода, на деда: — Я же просила, подпиши бумаги! Хуже зверей скоро станем.

Она так и держит лайку обеими руками и вместе с ней спиной отползает к стене. Белый скулит. Михалыч только сейчас замечает, как у его питомца торчат ребра. Получил на старости лет. Всех голодом по дурости своей заморил. Надо было еще осенью внучат отправлять отсюда куда подальше.

Валера возвращается к столу. Садится, берет в руки кружку с кипятком. Нож кладет перед собой. Михалыч пытается помочь Маше встать, она мотает головой: уйди.

— Через неделю по-другому запоешь. — Валера не смотрит на сестру.

— Завтра на охоту пойдем. Утихомирилось уже. Где-то тут сохатые бродят, нутром чувствую. — Михалыч смотрит в окно.

На дворе насмешливо и зло поет ветер. Ему подвывают волки.

— Ты передо мной старичка-лесовичка не разыгрывай! А то я не знаю, что у тебя три высших образования и кандидатская. Ну ты же умный человек! — Валера поворачивается к Маше: — Он мне вместо сказок на ночь про химические реакции рассказывал, про всякое кучное

выщелачивание! Все нормальные дети бабайки боялись, а я — таблицы Менделеева.

Сестра смотрит на них обоих, порывается что-то сказать, но закрывает рот и смотрит в потолок. Собаку так и не отпускает.

— Не нужен я, Валера, в вашей новой России ни с тридцатью высшими образованиями, ни с докторской степенью. Я всю жизнь жил, чтобы человек — это звучало гордо, чтобы дороги в космос были. А теперь у вас рынок, теперь церкви на каждом углу. — Михалыч сплевывает. В животе болит, тянет неприятно уже не первый день. Дожил, дуралей седой, в двадцать первом веке есть нечего высококвалифицированному специалисту.

— Все такие религиозные стали, только живут не по заповедям. Купи, продай, обдури ближнего своего, своруй, убей... Ваучеры-фигаучеры, приватизация-фигизация. Я докторскую по обогащению золото-содержащей бедной руды написал и сжег — сам сжег! — Михалыч ходит из угла в угол и разговаривает уже не с внуками, а проговаривает то, о чем явно много думал в одиночестве. — Я ее в восемьдесят седьмом начал разрабатывать — для великого государства, чтобы оно больницы построило, школы новые, институты... А теперь она кому нужна — этим поганым «новым русским»? Я в грязь не полезу! — Михалыч заводится и грозит кулаком в потолок.

— Да нет уже «новых русских». На улицах никто не стреляет, пиджаки малиновые вышли из моды. Ты бы почаще в люди выбирался. — Валера мелкими глотками пьет горячую воду.

— А «старые» там есть? Советские люди, которые не о себе, а о других думали? — Михалыч останавливается и зло смотрит на внука.

— Задолбали! Думали они. Вот ты и ты — вы обо мне думали? Я вас все слушаю и понять не могу. Все такие хорошие, заботливые, умные. Ну почему же я-то с боку припека, а? Ни тарелки супа для меня у вас не нашлось после школы, ни куска пирога на праздники? Ни открытки на Новый год? Ну что вы молчите? — Маша встает, держит собаку за ошейник. Белый рычит и скалит клыки на Валеру. — Один про космос заговорил, второй за детство со сказками цепляется... Вы обо мне хоть раз в жизни подумайте, а? О человеке. Вот она я — живая. Не будущее это твое, которого не будет! — выпаливает Маша Михалычу, потом — Валере: — Не прошлое с манной кашей, на которое ты все вздыхаешь. Его тоже нет! Подпишите бумаги и гуляйте, где хотите. Кто с медведями в тайге, кто с шалавами в казино.

Дед вспоминает туз в Валерином рукаве и как-то по-новому смотрит на внука. Маша с собакой уходит в комнату отца и подпирает дверь стулом изнутри.

— Зашибись! А я где, по-вашему, спать должен? — возмущается Воскресенский-младший.

— Спокойной ночи, внучок. К Машке не лезь, ей волноваться вредно. За Белого — шею сверну, понял? Завтра все решим. — Дед горбится и бредет в свою комнату.

Глава 10

Валера вспоминает про наливку и лезет в подвал. Шумит нарочно громко, но никто не выходит на кухню и не спрашивает, чего ему в такой час не спится. Вылезает он с еще большим грохотом, но все равно остается в одиночестве. Пьет прямо из бутылки, сидит у печки, злится и накручивает себя, вспоминая недавнюю сцену во всех подробностях. Как Манька собаку к себе прижимала, как дед пообещал за псину показать кузькину мать...

У настойки градус невысокий, но голодному и расстроенному человеку много не надо, чтобы залить глаза. Валера встает, пошатываясь, и в голову ему лезут черные мысли о том, что зря он сюда приехал. Надо было дальше в Москву рвать или в Питер. Как-нибудь бы устроился. Понадеялся на родню и наследство. Ничего тут батюшка на холодных ручьях не заработал, кроме угрозы неба в клеточку. Застудил руки и ноги от промывки золота в кустарных условиях, мучился с суставами. Мыл чисто на пожрать и выпить. Клада нет — Михалыч рассказал, когда устал от расспросов про «хищников» и схроны покойного сына.

Валера бросает бутылку в печь, и от звона разбившегося стекла в соседних комнатах замирают и его дед, и сестра, и даже пес. Никто в доме не спит.

Когда Михалыч через десять минут все-таки выходит на кухню, он сначала бросается на внука, отнимает у того зажигалку и канистру, бьет его в челюсть — и лишь потом понимает, что увидел.

— Манечка... Собачечка... Один Валерочка тут на фиг никому не сдался. — Воскресенский-младший теряет равновесие и падает на пол.

Воняет бензином и алкоголем.

— Дедушка! — Из комнаты высовывается Маша с собакой.

— Ты с дуба рухнул? — Воскресенскому-старшему впервые в жизни хочется плакать.

И что с этим пьяным балбесом делать?

— Дедушка... — Голос у Маши непривычно тихий, но Михалычу сейчас не до нее.

— Неужели ты о ком-то беспокоишься? А не чем-то великом? — Валера даже не пытается встать. — Люди — это так, расходный материал...

— Проваливай отсюда, гнилое семя. Чтобы глаза мои тебя не видели. — Старик говорит как сплевывает.

— Дедушка! Мне что-то нехорошо, — пищит Маша.

Она держится за живот, морщится, а потом падает в обморок. Михалыч еле успеваает ее подхватить.

Валера закрывает глаза и наконец проваливается в крепкий алкогольный сон.

Пока он храпит на полу у печки, Михалыч ходит из своей комнаты в кухню и обратно. Перешагивает прямо через внука: противно к тому прикасаться. Идиот, наакался, чуть их всех заживо не спалил! Дед нервно собирает вещмешок. Набирает воды в флягу, проверяет батарейки для фонарика, ищет спички. Выкладывает

на стол ружье и патроны. Иногда заглядывает в комнату, где раньше жил сын. Манька лежит на боку, живот обхватила, дышит тяжело. На полу калачиком свернулся Белый — спит, набирается сил, чувствует, что завтра будет поход.

Как только рассветает, старик набирает холодной воды, выливает на спящего внука и командует:

— Собирайся! Маньку надо в больницу везти.

— Рано ей еще рожать. — Валера спросонья не помнит, что учудил вчера. Говорит и удивляется, что за резкий запах в кухне.

— Напугалась вчера. Или еще что. Без врача никак. — Михалыч давит в себе желание пнуть этого молодого лося, чтобы тот быстрее двигался.

— Ну и езжайте. А я главу района подожду и с ним уеду. — Валера медленно поднимается и идет к столу.

— Два месяца уже твоего главы нет. Ни угля, ни ответа, ни привета. На дорогах по метру снега, если не все полтора. Сюда сейчас никто не проедет. — Дед распахивает по карманам патроны.

— Будем, как индейцы, дымовые сигналы посылать. Прилетит вдруг волшебник в голубом вертолете, и что-то там дальше, ля-ля-ля... — Валера даже напевает в конце.

Вдруг он вспоминает, что устроил вчера, и холодеет. Удивляется, что жив-здоров, без синяков и сломанных ребер, — и как его дедуля сгоряча не пришиб за такое? Матерый человечиче!

Михалыч набирает воздух, выдыхает и начинает медленно, но четко объяснять внуку план действий.

— Маньке очень плохо. Она с полуночи почти в себя не приходит. Тут пешком часов пять быстрой рысью по дороге... летом. Зимой через лес за столько же дойдем. Даже с таким грузом. Но вдвоем. Световой день нынче короткий, а по темноте там шарахаться бесполезно. Собирайся! — В конце он уже приказывает, а не уговаривает.

— Надо оно мне двести лет! — фыркает Валера.

— Помоги Маньку отвезти. И я покажу, что тебе отец оставил. Все как есть, — после долгого молчания шепчет Михалыч.

— Я так и думал, что где-то золотишко припрятано! Ставки сделаны! — Валера протягивает руку, но деда уже нет, ушел в комнату Машку проверить.

Воскресенский-младший смотрит в окно. За ночь погода утихомирилась. Солнце яркое, небо голубое, снег такой белый, что смотреть больно. И чего вчера так не было? Поохотились бы, подстрелили бы кого, и не было бы вечером этого скандала и позорища. Валера обводит глазами кухню, видит брошенную канистру с бензином. Осматривается — пытается запомнить обстановку. Есть у него предчувствие, что больше он сюда никогда не попадет: дед просто на порог не пустит. Это если они еще доберутся до Радужного. Валера наклоняется к окну посмотреть на термометр за стеклом. Минус двадцать пять.

— Безумству храбрых поем мы песню... Так это нам еще повезло сегодня, курорт! — вздыхает неудавшийся поджигатель.

Маньку бережно одевают потеплее, укладывают на сани, а сверху укрывают тулупом. Михалыч вешает на спину вещмешок, на плечо — ружье. Заставляет Валеру взять топор и заткнуть за пояс. Впряглись в сани — и вперед на лыжах.

Мороза Валера не ощущает, ему жарко, то и дело хочется распахнуть ватник да умыться лицом снегом, но нельзя. Он помнит по детству, какой тут коварный «сухой» мороз: градус не чувствуется. Даже хорошо, что есть нагруженные сани и приходится постоянно быть в движении. Идти тяжело, путники пробираются через чащобу без дороги. Лес густой, то и дело из-под снега выглядывает стланник и другие кусты. Валера и Михалыч огибают их, чтобы не перевернулись сани с Машей.

За людьми по снегу трусит лайка, она легче и почти не проваливается. Иногда Белый останавливается и водит носом по ветру. В такие моменты Михалыч становится совсем смурной и пристально наблюдает за псом. Тот принюхивается, смотрит по сторонам, потом прыгает по сугробам дальше. Значит, пока спокойно, никого рядом нет.

Они почти без остановки идут четыре часа, и Валера в итоге резко останавливается и бросает «поводья»:

— Не могу больше!

Голодный, похмельный, он очень жалеет себя, уставшего, обливающегося потом. Прикидывает, что осталось «всего да маненько», как говорила бабушка, и заставляет Михалыча сделать привал.

— На полчаса, не больше. — Старик смотрит на внучку и решает, что от получасовой остановки беды не будет.

Он оглядывается, находит место под огромной разлапистой сосной, где поменьше снега. Сани с Машей ставит к стволу. Сам идет по округе, ломает ветки, собирает их для костра. Влажные все, чадить будут — да и хорошо: дым зверя лесного отпугнет. А если вдруг люди заметят их «дымовой сигнал», совсем отлично будет. Михалыч сам держится из последних сил. Есть неохота, но накопилась усталость за последние дни, да и страх за Маньку накатывает. Вроде спит, родная...

Михалыч катает в голове это слово: «родная». Чем-то от него пахнуло — то ли пирожками Груши, покойной супружницы, то ли жимолостью, которую они в августе с сыном, соревнуясь, собирали ведрами на время. Михалыч вздыхает, оглядывается на внучку. На щеках у нее румянец.

Валера присаживается на краешек саней и тут же засыпает, как птица на жердочке. Старается усидеть прямо, чтобы не навалиться на сестру, но все равно склоняется, кладет голову ей на плечо и закрывает глаза.

Михалыч разводит огромный костер. Чтобы ветки занялись, подкладывает вниз таблетку сухого спирта. От одного только вида огня становится теплее.

Идти же совсем чуть-чуть осталось, думает старик перед тем, как присесть на сани к Маше с другой стороны. Он наблюдает за оранжевыми

язычками пламени и старается бодрствовать, но против своей воли засыпает.

Очухивается дед на закате. Полчетвертого уже, еще час — и будет темно хоть глаз выколи! Костер потух. К Валере и Маше на сани забралась собака, нырнула под тулуп, греют друг друга. А вот у него, Михалыча, пощипывает пальцы на ногах. Ни носки из шерсти, ни торбаса из оленьей кожи уже не спасают. Михалыч встает и зло толкает внука — из-за него застопорились.

— Дед, чайку сообразишь? — Этот и у черта на сковороде будет языком молоть.

— Подъем! — командует дед.

— Нормально же спали. — Валера подмигивает. — Вот такой у тебя внучок. Знаешь, тут две причины. Или гены, или воспитание. Тебе какая больше нравится?

Михалыч ничего не успевает ответить, как вдруг Маша резко приходит в себя.

— А нам долго еще? — Она тоже понимает, что до заката осталось совсем немного.

— Ты встать можешь? Походи чутка, разомни ноги, — отвлекает ее дед.

— Малой не шевелится. Вчера еще кувыркался. А сейчас молчит. — Маша с трудом встает, неуклюже переваливается по снегу и жалобно смотрит на свой живот.

— Потерпи, почти выбрались. — Михалыч пытается понять, удастся ли сделать еще один круг и выйти к трассе.

Но какая сейчас «трасса»? Это раньше грузовики караванами туда-сюда ходили, а теперь, если за день с десятков большегрузов проедет, уже удача. Старик прикидывает, стоит ли повернуть здесь или и дальше идти к поселку через лес. Вдруг на трассе не встретится ни одной машины? Тогда они точно замерзнут. Он смотрит на внуков и раздумывает, стоит ли делиться с ними своими сомнениями, можно ли советоваться? Или он только напугает их?

— Куда выбрались? — Судя по визгливому тону, у Маши начинается истерика.

— Куда-нибудь. А потом — дальше. Систер, рано карты сбрасывать. — Валера встает, разминается, подпрыгивает.

— Нельзя сдаваться, слышишь? Никогда! Пока ты еще дышишь — вставай и иди. — Дед подходит к Маньке, стаскивает с нее рукавицы и разглядывает кончики ее пальцев.

Нормально, обморожения нет, внука даже горячая, Белый с Валеркой нагрели сани, что ли? Или инфекция какая ее догнала, потому и капризничает?

Девушка забирает рукавицы и надевает их.

— Мы тут умрем. Холодно же... — Последние слова она шепчет.

— Холодно, голодно, страшно — все равно. — Михалыч успевает потрогать внучкин лоб, прежде чем она отворачивается. Точно, температура у нее.

Валера отходит от костра на пару метров и застывает: он видит странные тени в кустах.

— Волки? — почему-то сипит Валера.

— Да хоть медведи полярные! Пока ты не сдашься — тебя никто не одолеет. — Михалыч смотрит только на Машу. — Даже когда кажется, что все пропало. Ты — Воскресенская. Сильный человек из семьи сильных людей. Слышишь?

— Вы меня бросили, — опять начинает девушка.

Валера пятится спиной к ним, нащупывает топор на поясе, снимает его, машет рукой Михалычу. Но дед и внучка смотрят только друг на друга. Не обращают внимания и на то, что Белый начинает рычать.

— Все делают ошибки. Но ты же выжила! Как я, как твои прабабки и прапрадеды. За тобой — горы. За тобой — легион сильных и смелых людей! — Старик сам не понимает, почему говорит это здесь и сейчас. — Это дороже всех открыток к Новому году. И всех пирогов, которые тебе недодали. Ты когда-нибудь задумывалась о своей фамилии?

Маша отрицательно кивает головой.

— Это фамилия священнослужителей. Рождественские, Воскресенские — такие фамилии придумывали, когда человек без роду и племени оканчивал семинарию. Представляешь, как жилось нашим после революции? — В прежние времена старик и сыну этого не рассказывал: в стране Советов не прощали «неправильных» предков.

— Дед, волки! — Валере совершенно не интересны семейные байки. Он хватает Михалыча за плечо и заставляет развернуться к лесу на другой стороне поляны.

Хищники будто только и ждали этого момента — выдвигаются из кустов втроем, как на парад, выстраиваются в одну линию. Каждый в полтора раза больше Белого, все с острыми мордами и наглыми взглядами.

— Так вот, внуки. Я так резво утром собирался... — Михалыч медленно снимает с плеча винчестер, целится. — Короче, у меня всего два патрона.

Он вдруг начинает петь, и внуки от удивления даже перестают пялиться на волков, которых раньше видели только по телику.

— Понимаешь, это странно, очень странно, но такой уж я законченный чудак... — Старик делает паузу и нажимает на спусковой крючок.

Слышен тихий треск — похоже, порох отсырел.

— Я гоняюсь за туманом, за туманом, и с собою мне не справиться никак, — как ни в чем не бывало продолжает дед.

Винчестер опять кряхтит, а не стреляет.

— Люди сосланы делами, люди едут за деньгами, убегают от обиды и тоски! — Это уже орет Валера, он берет топор обеими руками и держит перед собой, следя за хищниками.

Маша зубами снимает варежку, лезет куда-то в валенок и достает нож. Тот самый, что вертела в руках в машине по пути в Веселку. Ее брат,

заметив это, хмыкает, и они с дедом не сговариваясь придвигаются ближе, заслоняя девушку собой.

— А я еду, а я еду за мечтами, за туманом и за запахом тайги, — как стихи, декламирует девушка.

— Манька, не высовывайся! — предупреждает Валера.

Она кивает, стоит за спинами своих защитников. Темнеет уже, кажется, не по минутам, а с каждой секундой. «Гады серые! — думает Маша. — Специально ждали, когда солнце сядет. Мы теперь слепшарые, а им все хорошо видно». Она едва улавливает момент, когда самый крупный волк бросается на Михалыча, а двое других — с разных сторон на Валеру. Белый кидается было спасти Воскресенского-младшего, но тот уже ухайдакал одного серого противника топором. Второй волк успевает вцепиться Валере в руку, и пес тут же повисает на нем.

Маша часто-часто моргает и зажмуривается от испуга: нет ни мужества, ни сил смотреть на то, как ее только что найденных родных грызут звери. Как же медленно, оказывается, у нее бьется сердце... Бум. В нескольких шагах от нее рычат волки и собака, скрипит снег, слышны звуки ударов. Бум. Наконец — звук выстрела и вспышка. И еще раз. Бум, бум, бум! А теперь сердце колотится с такой скоростью, что больно вдохнуть.

Из оцепенения ее выводит голос деда:

— Манька, дай нож, надо Валерке руку перевязать! Нам последний рывок остался. Часа на полтора. Давай-давай! Нельзя сидеть, заснешь — не проснешься.

Девушка вздрагивает и смотрит во все глаза. У Валеры из кисти капает что-то красное. А у деда порван тулуп и ватные штаны. Одежда толстая, не прокусили, только потрепали. Взъерошенный Белый крутится возле Михалыча и все оглядывается на лес. Пес, кажется, цел.

— Придется ножками идти, родная, — озабоченно говорит старик. — Прости, сани мы теперь не вытянем. Дойдешь?

Машка кивает. Она уже нашла в саях какое-то тряпье и режет на перевязку. Ее накрывает запоздалый прилив адреналина. Дойдет, доползет, если надо! А если эти волки вернуться, она им лично горло перегрызет.

Глава 11

Неделю спустя. Радужный

Глава района и референт притопывают от холода возле машины. Мороз трескучий, но чиновнику неохота заходить в больницу раньше времени. Увидит главврач — опять привяжется с этим своим капремонтом. Машина еще, как назло, замерзла и не заводится. Водила ушел якобы «найти подкурить». «Сидит, небось, в кафе и чай горячий хлещет!» — зло думает Иван Григорьевич.

— Они точно там? — в десятый раз уточняет он у референта.

— Там, там. Я на пост сегодня звонил. Брата еще позавчера выписали, а мамочку с ребеночком только сегодня отпустят, — блеет Ленечка.

— Ты документы взял с собой? — Глава района и так видит папку в руках у помощника, но ему надоело молча переминаться с ноги на ногу.

— Конечно. Мужики уже все подмахнули. Проверили только, чтобы на центральные районы страны. Мария Михайловна только осталась и младенчик... — Референт замерзшими руками пытается открыть папку и показать документы, в итоге сдается и просто трясет ею, мол, все нужные бумаги здесь.

— А ты на несовершеннолетнего сделал заявление на сертификат?! Чтобы мать расписалась как законный представитель? — Иван Григорьевич вспоминает, что упустил «пополнение» населения этой треклятой Веселки.

— А вы не говорили... — Ленечка пятится от начальника.

— Так я уже неделю об этом думаю! — взрывается чиновник.

Тем временем в приемном покое на скамейке сидит Валера с повязками на голове и на руке и одной ногой отстукивает весьма нервный ритм. Рядом с ним стоит, прислонившись к стенке, Михалыч, весь в царапинах и синяках. Он пристально смотрит на дверь. У обоих в руках уже порядком помятые букеты, у старика — еще и торт.

Дед бросает взгляд на Валеру и морщится. Видок у них с внуком бомжатский, после «марш-броска» и переодеться не во что было. Добросердечные сестрички попритаскивали из дома мужских шмоток разных размеров... Бог с ним, главное, что вовремя добрались. И Маньку сдали на операцию акушерам, и сами тут же в хирургию кинулись. Врач только и успел обоим в пальцы блокаду поставить: обморозились все-таки. Но обошлось без последствий.

— Ну вы и везучие! — каждый день на осмотре дружно тянули доктора.

Но на фортуна не надеялись, выписали коробку таблеток и на процедуры гоняли по несколько раз в день.

Наконец из дверей показывается Машка со свертком на руках. Ее поддерживает под локоть пухлая розовощекая нянечка с сожженными перманентом кудрями.

— Кто тут папаша? Забирайте сыночка! — улыбается сотрудница родильного отделения.

Внук и дед подхватываются и резво бегут к Машке. Валера передает цветы старику и аккуратно забирает ребенка. Пытается рассмотреть — а что там рассматривать: глаза как щелочки да щеки. Укутан малец с головы до пят. Михалыч не глядя всучивает букеты с тортом нянечке. Видит он только правнука.

— А кто это у нас тут? — сюсюкает Валера.

— Александр Михайлович Воскресенский. — Манька хитро смотрит на Михалыча. — Тезка вот, в честь моего героического дедушки.

— Вот зачем ты так над сыном издеваешься? Кто его полюбит? — Брат кивает на старика. — С таким характером?

Михалыч внезапно краснеет, потом улыбается и забирает у Валеры младенца.

— Характер у меня тяжелый, потому что золотой, — строго отвечает теперь уже прадед. — А что, похож! Нос как у меня!

— Глаза мои — умные-умные! — встревает Валера.

— Вы аккуратнее, раньше срока парнишка родился. Врачи кое-как на выписку согласились. — Нянечка видит, что странная семейка ее не слушает. — Вещи мамочки на посту заберете. Я еще утром все отнесла. И девчонки подсобили, собрали там приданое для мальчика вашего, на первое время хватит. Там из управы еще коробку притащили — смеси, пеленочки... Никогда у нас такого не было.

Она еще хотела бы рассказать, как тут каждый день высокое начальство по коридорам крутилось и выспрашивало, живы ли последние жители Веселки, как с телевидения из самого Магадана звонили и уточняли, точно ли семья с беременной женщиной из брошенной деревни через сугробы и стаю волков вышла к цивилизации, все ноги и руки себе обморозив. Вот тут шум стоял! Но сотрудница больницы видит, как трое взрослых передают друг другу младенчика, умиляются каждому его взмаху ресниц и то и дело целуют новорожденного то в лобик, то в щечки. Нянечка уносит цветы с тортом, уже на пороге оглядывается и быстро издалека крестит ребенка.

— Чудо, что вообще родился! Везучий. Главврач сказал, диссертацию на таком материале защитит, — бормочет она себе под нос.

Воскресенские этого не видят и не слышат.

— Кстати, Валерка, помнишь, я обещал, мол, покажу, что тебе отец оставил? Все как есть... — Михалыч откашливается и театрально разводит руками в воздухе. — Смотри! Я, она, он. И все, кто потом народятся!

— Теперь понятно, от кого у меня покерфэйс такой знатный. Я с тобой больше за один стол играть не сяду! — Валера в глубине души знал, что дед ему с три короба наобещает, лишь бы помог Маньку к врачам вывезти.

Ай, да и ладно! Невелика потеря. Ставки еще не сделаны, большая игра еще не началась.

Малыш почему-то молчит и смотрит на Воскресенского-старшего. А Воскресенский-старший — на него. Седобородый великан вспоминает, как забирал из роддома своего сына. На материке еще, до переезда на Колыму. А потом внука — вот этого балбеса — в этом же месте. Как давно это было! В прошлой жизни! Но плакать не хочется, смеяться хочется. Живут Воскресенские, живут! Вот, еще один наш на свет появился. Для великих дел, для хорошей жизни. А если она будет плохая — он придумает, как сделать ее интересной и доброй. Воскресенские всегда так делают.

— Здравствуй, правнук! — нежно шепчет Михалыч. — Добро пожаловать!

Послесловие

Михалыч-старший остался в Магаданской области, стал егерем в заповеднике — грозой браконьеров.

Валера проиграл все деньги в игровых автоматах в Новосибирске. Получил пять лет колонии за мошенничество. Зато его не нашли и не убили кредиторы.

Маша с Михалычем-младшим улетела в Сочи, купила комнату и устроилась работать поваром.

Поселок Веселка исчез с карты России, как и сотни других населенных пунктов на Крайнем Севере после развала СССР. Плодами достижений многолетнего труда тысяч геологов, горняков и строителей пользуются разве что частные компании.

